

ПРЕПОДОБНЫЙ ИОАНН ДАМАСКИН В ЕГО ЦЕРКОВНО-ГИМНОГРАФИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Когда в субботний вечер, завершив свою трудовую неделю, православный приходит в храм ко всеобщему бдению, его всегда встречают новые напевы воскресных стихир на «Господи, воззвах», и он входит в празднование святого дня Воскресения Господня.

Под эту всегда новую — и в звуке, и в слове — трактовку величайшего события в жизни христианина — Воскресения Христова он просматривает и жизнь свою, ее минувшие, ушедшие события, простирается и вперед, за всё славословя и благодаря Бога, и обретает необходимо для него силу стояния его, пребывания в жизни.

Человеку необходимо, с одной стороны, нечто устойчивое, постоянное, такое, как праздник, день его отдыха — Воскресение Христово; с другой стороны, ему потребна и смена впечатлений, богатство использования его чувств — анализаторов мира — для того, чтобы он имел верную, крепкую и полную радость, в силе которой он должен оправдывать свое предназначение.

И вот эту-то радость восприятия Бога, мира духовного, Христа, воскресающего в каждой воскресной всеобщей, он обретает в богослужении православном и вместе со своими ближними входит за этой всеобщей в прославление Домостроительства Господня.

Этому разнообразию напевов стихир, антифонов и канонов — по церковному выражению, гласов, так же как и словесному изображению таинства Христова Воскресения, православный христианин обязан творчеству преподобного Иоанна Дамаскина, церковного гимнографа VIII века.

Октоих, или осмогласник, по преимуществу в разделе воскресного богослужения, есть детище преподобного Иоанна Дамаскина, и особой заслугой его является упорядочение напевов, разделение этих напевов на восемь гласов.

Эти восемь гласов, их чередование из недели в неделю, их последовательность приняты для всей Православной Церкви, где бы ни были расположены ее храмы.

Празднование дня Воскресения Христова по уставу Православной Церкви очень высоко оценивается в наши дни богословами инославных исповеданий, почему в сборниках, посвященных дню Воскресения Христова, говорится о неоспоримом духовном вкусе отдельных частей воскресного богослужения, о красоте и гармонии византийского устава. [1]

Деятельность преподобного Иоанна Дамаскина так обширна и многообразна, что наш русский богослов Преосвященный Филарет, архиепископ Черниговский, безоговорочно причисляет Дамаскина к великим отцам Церкви. «Сочинения святого Иоанна,— пишет он,— дают ему почетное место между великими отцами Церкви». [2] Преосвященный Филарет признаёт, что Дамаскин в своей духовнолитературной деятельности касался различных вопросов христианской веры. Его он считает первым систематиком между отцами Церкви, за что воздает ему славу. По мнению Преосвященного Филарета, «Дамаскин в своих сочинениях догматист и полемик, историк и философ, оратор и поэт церковный...» [2]

В данной статье, указывая на многостороннюю деятельность Иоанна Дамаскина, как целостной личности, мы останавливаемся исключительно на анализе его трудов как песнотворца, гимнографа, поэта церковного.

Следует отметить, что оценка преподобного Иоанна Дамаскина как песнописца представляется не единообразной, разноречивой как среди православных, так и инославных богословов. Достаточно указать, что А. П. Голубцов, высоко оценивая поэтический талант Дамаскина и его деятельность как составителя Октоиха, даже приводя ссылки на хвалебные строки его древнего биографа, находит возможным критиковать отдельные произведения преподобного Иоанна. Так, говоря о песнопениях Иоанна Дамаскина, он отмечает глубокое религиозное одушевление и теплоту чувств некоторых из этих песнопений, их «редкую поэтическую образность и художественный драматизм» и вместе с тем настаивает на том, что в ряде произведений Дамаскина «риторическая образность заменяет... истинное одушевление и диалектически-фигуральная обработка поглощает главные заботы составителя». [3]

А. П. Голубцов высказывает даже такой взгляд, что «профессия» христианского песнописца была несовместима для Дамаскина с его деятельностью как диалектика и схоласта. «Этот богослов,— указывает он,— писавший диалектику и опровержение ересей, и схоластическую... систему догматики, посвятил себя профессии христианского песнописца, столь несогласной, по-видимому, с специальным родом его занятий». [3]. Мы сознательно приводим эти критические замечания А. П. Голубцова, чтобы тем значительнее прозвучали те положительные оценки, которые дают песнотворческой деятельности преподобного Иоанна Дамаскина другие исследователи. В праздничных канонах Преподобного, действительно, имеются отдельные неясные выражения и сопоставления, которые требуют вдумчивого разбора и анализа.

У инославных богословов — в связи с их интересом и углубленным изучением Октоиха — возникает в настоящее время большая литература об Иоанне Дамаскине. Ставится вопрос об авторстве отдельных его песнопений, о принадлежности его перу воскресных канонов и даже воскресных антифонов. Авторы намечают большую работу в будущем по изучению размеров (*procédés métriques*) и музыкальных соотношений между ирмосами и тропарями воскресных канонов, относимых к имени преподобного Иоанна Дамаскина, в целях их идентификации [4].

Преосвященный Филарет, архиепископ Черниговский, очень высоко оценивает деятельность преподобного Иоанна Дамаскина как церковного песнописца и говорит, что еще с юных лет Иоанн обнаружил «счастливые дарования». [2] Критически оценивая влияние диалектики Ари-

стотеля на преподобного Иоанна, вследствие чего последний не имел тех основ, которые были усвоены великими отцами IV века в изучении философии Платона, Преосвященный Филарет свидетельствует вместе с тем о Дамаскине, что это был «такой песнописец Церкви, которого выше ни прежде, ни после не было в Церкви». Он говорит о том, что высокие созерцания Иоанна «находили место в душе его, быв возбуждаемы творениями великих отцов...». [2] Это влияние отцов Преосвященный Филарет признаёт достаточно сильным, способствовавшим раскрытию в душе Иоанна стремления к духовной деятельности. Кроме того, в Иоанне Дамаскине архиепископ Филарет отмечает способность к наблюдениям, владение познаниями о вселенной, историческими сведениями о Церкви и, наконец, глубокими постижениями души человеческой. Последнее качество Иоанна Дамаскина всегда подчеркивается профессором Е. И. Ловягиным, опытным переводчиком на русский язык канонов великих праздников Православной Церкви. [5]

Все изложенное очерчивает место преподобного Иоанна Дамаскина в православной гимнографии, причем имеет определенный смысл вся сумма мнений о песнотворческой деятельности Преподобного. Мнения эти свидетельствуют о том, что значение личности и творчества Дамаскина не потеряло своей силы до последнего времени.

Еще более отчетливым становится это значение при ознакомлении с основными этапами биографии преподобного песнопisca.

* * *

Преподобный Иоанн родился в Дамаске в 676 году в семье Сергия, министра при дворе дамасского калифа. Сергей долго искал для своего сына достойного учителя и нашел его в пленном иноке Косме, которого выкупил на свободу. Этот выкупленный из плена инок из Калабрии обладал обширными познаниями по риторике, диалектике, астрономии, физике, философии, богословию и музыке. Иноку Косме было поручено воспитание Иоанна вместе с приёмным сыном вельможи Космой, впоследствии епископом Маиумским. Отмечается, что Иоанн обладал очень большими способностями в усвоении преподаваемых ему различных наук. Святитель Димитрий Ростовский в своих Четних-Минях указывает, что в постижении наук «Иоанн бе аки орел по воздуху паряй, тако высоких достизаше во учении таинств; духовный же брат его Косма, аки корабль, по морю веющу ветру скоро плаваяй, тако скоро постизаше премудрости пучину...» [6] По свидетельству святителя Димитрия, способности Иоанна были настолько исключительными, что «в неких премудростех» он превосходил своего учителя. [6]

Высокое положение отца и личные качества Иоанна определили его судьбу: он был поставлен градоначальником дамасским и первым министром калифа. Находясь при дворе последнего, окруженный пышностью и почетом, Иоанн «стремился только к кресту Иисусову», как свидетельствует его жизнеописатель. В те годы он уже показал себя как защитник христианской веры, писавший против яковитов.

Когда в 728 году императором Львом было объявлено открытое гонение иконопочитания, Иоанн неоднократно писал сочинения в защиту святых икон, чем возбудил против себя императора. Оклеветанный в неверности калифу, Иоанн был подвергнут отсечению руки, которая была исцелена по слезной его молитве перед образом Богоматери. После этого события Иоанн уже не захотел оставаться при дворе, хотя

и была доказана его невиновность; раздав свое имущество и освободив рабов, Иоанн удалился в Иерусалимскую обитель святого Саввы.

Судьба Иоанна и здесь не была ровной. Монахи отказывались быть наставниками бывшего министра, а тот суровый инок, который принял Иоанна, запретил ему всякий вид литературной деятельности. Иоанн покорился во имя послушания, как тяжело ему это ни было. Искушение поджидало Иоанна и дальше. Один из братьев обители, потеряв близкого друга и брата, просил Иоанна написать что-либо, что облегчило бы его скорбь. С большими колебаниями, помня заповедь старца, Иоанн все же не смог отказать и написал свои надгробные стихи «Кая житейская сладость...» [7] Старец принял покаяние Иоанна только после того, как тот очистил своими руками все нечистоты в обители. Здесь и старец был извещен явлением Богоматери, указавшей ему, каким сосудом благодати для Церкви Христовой является Иоанн, и с тех пор Преподобный стал свободно «писать и петь во славу Православия», как отмечает Преосвященный Филарет. [2]

Таков духовный путь преподобного Иоанна: он — блестящий вельможа при дворе калифа, он же и инок, очищающий своими руками нечистоты обители. Он — вдохновенный защитник иконопочитания, и он же смиренный брат, внявший горю брата и изобразивший надгробное пение. Он, терпящий оклеветание и исцеленный предстательством Богоматери, он же, лишенный своего дела жизни — писания и пения и восстановленный в нем чудным попечением Божией Матери. Все это пережито Иоанном с тем, чтобы труды его, его песнопения вместили, по возможности, все глубины человеческой скорби и изобразили выход из нее в Едином Спасающем — Боге.

Период иноческого искусства преподобного Иоанна прекрасно отражен в произведении А. К. Толстого — поэме «Иоанн Дамаскин»:

«Любим калифом Иоанн;
Ему, что день, почет и ласка,
К делам правления призван
Лишь он один из христиан
Порабощенного Дамаска...» [8]

Но Иоанн мечтает о другом жребии. Он покидает калифа, идет в пустыню и благословляет свой путь:

«...Благословляю вас, леса, долины, нивы, горы, воды!
Благословляю я свободу и голубые небеса!
И посох мой благословляю, и эту бедную суму,
И степь от края и до края, и солнца свет, и ночи тьму,
И одинокую тропинку, по коей, нищий, я иду,
И в поле каждую былинку, и в небе каждую звезду!..»

Иоанн принят в монастырь, но над ним тяготеет тяжелое решение его духовного отца: он должен отказаться от воспевания Бога, сосредоточив всю жизнь на молчании и молитве.

Тогда: «Тщетно он просит и ждет от безмолвной юдоли покоя,
Ветер пустынный не может недремлющей думы развеять.
Годы проходят один за другим, всё бесплодные годы!
Всё тяжелее над ним тяготит роковое молчанье».

И вот Иоанн, не будучи в силах отказать скорбящему брату, составляет надгробное пение:

«Какая сладость в жизни сей
Земной печали непричастна?
Чье ожиданье не напрасно?
И где счастливый меж людей?»

Но Иоанн преступил заповедь, его старец неумолим, он прогоняет его из келлии. Идя навстречу просьбе братии, старец посылает Иоанна убирать нечистоты монастыря и тут ночью имеет видение — Божия Матерь говорит старцу:

«Почто ты гонишь Иоанна?...
...Его молитвенные звуки, как голос неба на земли,
В сердца послушные текли, врачуя горести и муки...».

Иоанну возвращается источник его жизни — его творчество, воспевание Бога, и он, переживший такое тяжелое испытание, воспекает Господу свою свободную и радостную песнь:

«Раздайся ж, воскресная песня моя!
Как солнце взойди над землею!
Расторгни убийственный сон бытия
И, свет лучезарный повсюду лия,
Громни, что созиждено тьмою.
Того, Кто оковы души сокрушил,
Да славит немолчно создание.
Да хвалят торжественно Господа Сил
И солнце, и месяц, и хоры светил,
И всякое в мире дыханье!»

Так полилась речь Иоанна, «исполненная новых сил», по поэту. [8] Песнотворческая деятельность преподобного Иоанна Дамаскина высоко оценивается в его жизнеописании, и мы читаем у его биографа: «Он (Иоанн) взял пророческую арфу и гусли Давидовы и положил на голос новые гимны. Своими мелодиями он заглушил песнь Моисея и хор Мариамны; он заставил замолкнуть нечестивые мелодии Орфея и заменил их духовными гимнами. Он собрал вокруг Иерусалима, как около общей матери, смежные церкви, будто дев, играющих на арфе». [2]

Те же высокие похвалы мы можем отметить и в строках канона, положенного на день памяти Преподобного — 4 декабря. «Премудрости талант прием,— читаем мы в третьей песни этого канона,— деянми украшая, уяснил еси, Иоанне, Церковь Христову...». «Научил еси вся церковныя пети сыны православно,— говорит дальше творец канона преподобному Иоанну,— едѣницу в Троице честнѣю; воплощение же Слова Божественное богословити яве, Иоанне, уясняя неудобопостижная многим в Священных Писаниях». [9]

Самое же дарование Преподобного творец канона связывает с его подвижническим житием. «Повелению Христову повинувся,— пишет он в четвертой песни,— оставил еси мирскую красоту, богатство, сладость, светлость, его же ради взял твой крест, последовал еси, Иоанне мудре». «Очистив всякия скверны тело и ум, и душу... богомудре,— добавляет творец канона в пятой песни,— зарю приял еси трисолнечную, Иоанне, светлыми тя богатящую даровании». И в шестой песни творец канона еще раз восклицает: «Подобне ликом небесным, мудре, Церковь православно украсил еси...» [9]

По непродолжительном времени пребывания в обители Иоанн Дамаскин был посвящен Иерусалимским патриархом Иоанном во пресвитера с тем, чтобы он служил и проповедовал в Иерусалимской Церкви. Однако патриарх скоро скончался (735 г.), и преподобный Иоанн опять возвратился в свой монастырь и занимался учеными трудами, заключившись в своей скромной иноческой келлии. Он писал опровержения ересей и различных заблуждений. При императоре Константине Копрониме, когда гонение на иконы стало еще более жестоким, он появлялся в Константинополе, обличал императора и преданных ему последователей. Сам император в 755 году произнес анафему на преподобного Иоанна. Есть свидетельство в жизнеописании Преподобного, что он был заключаем в темницы за иконопочитание. Скончался он на свободе, в глубокой старости и был погребен учеником своим. Временем его праведной кончины указывается 776 или 777 год (по некоторым данным — 754 г.).

По свидетельству проф. А. А. Царевского, на VII Вселенском Соборе, который состоялся вскоре после кончины преподобного Иоанна Дамаскина, все 367 отцов Собора «с благоговейной благодарностию вспомнили труды Иоанна Дамаскина на пользу Церкви Христовой и торжественно провозгласили «вечную память Иоанну», о чем записано в постановлениях Собора». [10]

Мощи Преподобного были позднее открыты в лавре святого Саввы и затем перенесены в Константинополь.

Такова краткая повесть жизни преподобного Иоанна Дамаскина, жизни, отмеченной неоднократно и глубокими внутренними скорбями, страданиями, исповедничеством, заточением; жизни величайшего среди песнописцев церковных, по существу, главы этих песнописцев. Всю жизнь преподобный Иоанн Дамаскин был другом своего нареченного брата — Космы, епископа Маиумского, с которым делил свои труды как песнописец и составитель Октоиха, к которому посылал свои произведения, сопровождая их соответствующими посвящениями.

* * *

Имея своею основною целью, как уже указывалось, разбор песнотворческого достояния преподобного Иоанна Дамаскина, мы считаем вместе с тем, что необходимо кратко осветить и основные направления научных трудов Преподобного, поскольку эти два вида его творческой деятельности взаимно проникают и обогащают друг друга.

Иоанн Дамаскин известен как диалектик. В своем труде по диалектике он дает изложение логики и физики, указывая, что логика помогает излагать предметы в их взаимной связи и необходима для богословия.

На основании труда Дамаскина «Точное изложение православной веры» [11] Преосвященный Филарет, архиепископ Черниговский, признаёт за Преподобным большое значение систематика-богослова. Этот труд был позднее образцом для восточных и западных богословов; Дамаскин является в нем первым догматистом.

Произведение это не утратило своего значения до настоящего времени. Сам преподобный Иоанн делил свой труд на 52 главы, которые позднее были объединены в 4 части (книги). В первой части содержится учение о бытии Божием, Его единстве, троичности Лиц; во второй — о творении мира, человека, о Промысле; в третьей части —

о двух естествах Иисуса Христа и Пресвятой Деве Богородице; в четвертой — о последствиях Воскресения Христова, о кресте, таинствах, девстве и всеобщем воскресении. Кроме этого основного труда, изложение веры дано преподобным Иоанном в виде системы в богословском словаре и в форме отдельных кратких рассуждений.

Как полемик преподобный Иоанн Дамаскин писал слова против порицающих иконопочитание. Эти апологии в защиту святых икон очень высоко оцениваются как православными, так и инославными богословами. В эту же группу сочинений входят и труды преподобного Иоанна Дамаскина против других ересей.

Кроме того, Пресвященный Филарет говорит о преподобном Иоанне как о ратнике, оставившем несколько проповедей на различные темы, как об историке, писавшем о событиях IV века нашей эры, и как о философе, обладающем «основательностью, силою и богатством мыслей».

Свои сочинения по диалектике, книгу о ересь и книгу о православной вере преподобный Иоанн объединил в одну, дав ей общее название «Источник знания», или «Источник ведения». Эту книгу преподобный Иоанн предназначал для друга своего — преподобного Космы, епископа Маиумского.

Перечень вопросов, которым посвящал свои труды преподобный Иоанн, представляется нам достаточно обширным и, несомненно, отвечающим насущным задачам той эпохи, в которую жил Преподобный.

Многие из строк его произведений, особенно же его основного труда, переносились преподобным Иоанном в его церковные песни, где, проявляя себя как поэт, он свободнее выражал наиболее близкие для него, преисскренинные помыслы.

* * *

Как церковный песнопевец, гимнограф преподобный Иоанн оценивается архиепископом Филаретом наиболее высоко. Пресвященный утверждает, что Дамаскин как песнопевец «более высок, чем во всех других отношениях; здесь он неподражаем». [2]

Одной из самых основных заслуг Дамаскина в области его гимнографической деятельности следует безоговорочно признать создание Октоиха, или Осмогласника. Преподобный Иоанн не только составил песнопения на воскресные дни (для вечернего и утреннего богослужения), разделив их на восемь гласов, но и создал для них музыку, установив определенный способ их пения.

Из восьми церковных гласов первые четыре признаются основными и называются прямыми. Последние же четыре, называемые косвенными, вытекают из первых путем перехода в ближайший полутон. Отсюда — первому прямому гласу соответствует первый косвенный, то есть по счету пятый; второму — шестой; третьему — седьмой, называемый у греков тяжелым, и четвертому — восьмой глас.

Введение Октоиха произвело значительную перемену в составе богослужения, и поэтому преподобному Дамаскину необходимо было в дальнейшем пересмотреть Иерусалимский устав преподобного Саввы, что он и выполнил, введя в него правило о канонах, которые были составлены им и его другом — преподобным Космою Маиумским. Преподобный Иоанн пересмотрел и отредактировал Иерусалимский устав, определив отношение новых, введенных им последований к прежним.

Этот великий труд Иоанна Дамаскина высоко оценивается в литературе: он признается замечательной личностью в истории церковного пения, ему отводится почетное место в ряду литургических деятелей Восточной Церкви.

Один из современных исследователей гимнологии святого Иоанна Дамаскина — П. Петрос указывает, что преподобный Иоанн упразднил в Церкви всякое пение, не отвечающее молитвенному духу, «положил ограду церковному пению». Автор свидетельствует, разбирая законы церковного пения, современные Дамаскину, что последний «изложил осмогласие церковного пения в строгой музыкальной системе». П. Петрос признаёт святого Иоанна Дамаскина «организатором... литургического музыкального осмогласного пения». [12]

Преосвященный Филарет, архиепископ Черниговский, указывает, что Октоих был введен еще при жизни преподобного Иоанна не только в греческих церквах, но и в церквах сирских, у яковитов и несториан. Принял Октоих, по свидетельству Преосвященного Филарета, и Карл Великий, причем велел перевести для пения в своих храмах особенно антифоны.

Наряду с Иерусалимским уставом Иоанн Дамаскин пересмотрел и месалеслов и ввел единообразие в праздновании дней святых. Преосвященный Филарет, ссылаясь на труд Шольца, устанавливает, что благодаря трудам Дамаскина древние святцы — константинопольские и иерусалимские — в значительной степени сходны между собою и в целом не отличаются от современных святцев Греческой Церкви. [2]

Помимо указанных трудов по созданию Октоиха, пересмотру устава и месалеслова, преподобный Иоанн проявил себя и как песнописец церковный в подлинном значении этого слова, работая в разных профилях церковной гимнографии. Им составлены тропари, стихиры, антифоны, каноны.

Считается, что общее количество канонов и стихир преподобного Иоанна Дамаскина достигает 64, хотя некоторые из них, по словам архиепископа Филарета, уже вышли из церковного употребления.

Среди произведений преподобного Иоанна прежде всего должны быть упомянуты песнопения Октоиха: воскресные стихиры и каноны.

Особое значение имеют составленные Дамаскиным песнопения Святой Пасхи; далее идут каноны на двенадцатые Господские праздники, из которых особо выделяются каноны на Рождество Христово, Богоявление, Вознесение Господне и другие.

В службе преподобному Иоанну Дамаскину указывается, что он является певцом чиннов святых: Богородицы, Иоанна Предтечи, апостолов и пророков, богомудрых учителей, праведников и мучеников. [9]

Очень высоко оценивает Преосвященный Филарет поэтическую силу воскресных служб Октоиха, особенно выделяя в этом смысле созданные преподобным Иоанном антифоны. Догматы с особой силой и мастерством изложены им в догматиках — воскресных Богородичных стихирах.

Особое место по силе выражения занимают надгробные песнопения Дамаскина.

Архиепископ Филарет, оценивая всю песнотворческую деятельность Дамаскина, высказывает свое полное согласие с тем, что преподобного Иоанна называли в его время «златоструйным», и ссылается при этом на слова святого Феофана, который говорит: «Иоанн справедливо на-

зван златою струею, по обилию в нем благодати Святаго Духа, текущей в словах его и в жизни». [2]

До сих пор инославными богословами поднимается вопрос, можно ли все каноны, подписанные именем Иоанна-монаха, относить к творчеству преподобного Иоанна Дамаскина. Так, Chr. Hannick (1970 г.), ссылаясь на мнение P. Trepelas'a (1949 г.), говорит, что словом «монах» каноны подписывались только начиная с преподобного Иосифа — гимнографа IX в. Вместе с тем Chr. Hannick считает, что вопрос этот окончательно не решен и требует дальнейшего изучения. [4]

Преосвященный Филарет, архиепископ Черниговский, тщательно разбирая каноны, относимые к имени преподобного Иоанна Дамаскина, говорит следующее: «Если присовокупим..., что и каноны на Рождество Христово, на Успение Богоматери называются то канонами Иоанна-монаха, то канонами Иоанна Дамаскина; что некоторые из дней с канонами Иоанна-монаха были по преимуществу палестинскими праздничными днями (т. е. той области, где жил преподобный Иоанн Дамаскин), то с уверенностью останемся, что каноны Иоанна-монаха принадлежат знаменитому, но смиренному певцу Дамаскину». Преосвященный Филарет ссылается, кроме того, на мнение Майо, который, издавая ряд канонов, подписанных именем Иоанна-монаха, не сомневался в том, что эти каноны принадлежат Иоанну Дамаскину. [2]

Песнотворческая деятельность преподобного Иоанна, как уже говорилось, весьма обширна; она охватывает многие стороны жизни Церкви и духовной жизни христианина.

В самом деле, песнописцы, составлявшие каноны, как правило, не писали стихир и других церковных песнопений. Те, которые писали стихир, обычно не известны как творцы канонов. В преподобном же Иоанне Дамаскине сосредоточилось творчество как канонов, так и тропарей, стихир, антифонов и надгробных песнопений.

Произведения преподобного Иоанна имеют широкий диапазон и в отношении их содержания. Он писал воскресные стихир и каноны Октоиха; ему принадлежат каноны ряда великих праздников — Господских и Богородичных. Он мог совместить в себе ликующее воспевание Пасхи Христовой с надгробным пением по умершим. Он воспел святых Божиих и достиг великой высоты богословия в своих догматиках.

Тем почетнее задача этой статьи — разбор песнотворческих произведений преподобного Иоанна по их составу и внутреннему содержанию. Этот разбор поможет не только воскресить отдельные направления в творчестве великого песнописца и богослова, но и понять его личность.

* * *

Наиболее замечательным и прославленным литургическим произведением преподобного Иоанна Дамаскина является канон на Святую Пасху. По силе, по концентрации чувств ликующей души, по глубине и образности выражений этот канон должен быть выделен из прочих произведений Преподобного, воспевающих Святое Христово Воскресение.

Достойную оценку этому канону дает Преосвященный Филарет, архиепископ Черниговский, указывающий вместе с тем, что Дамаскину принадлежит и создание всей службы Святой Пасхи, включая пасхальные часы, а также службы на всю седмицу Пасхи. В своем произведении «Исторический обзор песнопевцев и песнопения Греческой Церкви» Преосвященный Филарет дает такую характеристику пасхальному

канону и всей пасхальной службе преподобного Иоанна: «После пасхальной службы в образцах творчества человеческого нельзя найти песни более полной чувствованиями, столько же живыми, сколько и высокими, восторгами святыми и истинно неземными. Пасхальная служба — торжество неба и земли... Пасха — торжество торжеств и песнь Пасхе — из праздников праздник душе». [13]

Подобные же высокие похвалы пасхальному канону мы находим и у проф. Е. И. Ловягина, который дал перевод этого канона на русский язык. «Святой Иоанн Дамаскин златоточивый, составитель этого канона, — пишет Е. И. Ловягин, — совершеннейшим образом выразил в нем чувство высокого духовного восторга, наполняющего душу при воспоминании о преславном событии в земной жизни нашего Господа». «При изображении обширных и спасительных действий Воскресения Господня, — пишет Е. И. Ловягин дальше, — чувство, господствующее в душе песнописца, изливается в каноне обильными потоками истинного красноречия... Оно (чувство)... то устремляется к Самому Виновнику торжества — воскресшему Спасителю, прославляя Божественное Его величие, то обращается к живущим на земле, возвещая им великую радость Праздника, то к заключенным... узникам ада..., то к небу и небожителям, призывая их к священному веселию при виде славы общего всех Господа — Победителя ада и смерти...». [10] Е. И. Ловягин считает, что «сильные и величественные выражения, искусные и разительные обороты и сочетания слов, живые и быстрые переходы речи, при необыкновенной силе и возвышенности мыслей и чувствований, делают пасхальный канон преподобного Иоанна поистине превосходным произведением церковной словесности...» [10]

Трудно что-либо добавить к этим глубоким и искренним высказываниям упомянутых нами больших знатоков песнотворческой литературы Православной Церкви. Вместе с тем нам кажется необходимым рассмотреть это высокое произведение Дамаскина — его пасхальный канон, исходя из всего того наследия, которое им оставлено.

В канонах на великие праздники, равно как и в других произведениях, относящихся к воскресному богослужению, преподобный Иоанн Дамаскин встает перед нами как инок, пустынный, рассматривающий и постигающий глубочайшие тайны веры Христовой. Для этого им избирается и соответствующий размер песнопений, их — по местам — сложный состав слов и оборотов, иногда не слишком очевидная отчетливость. В пасхальном же каноне все признают предельную ясность и точность выражений, мерность и отчетливость прозы. Очевидно, что в этом каноне преподобному Иоанну удалось взять тот ритм, который соответствовал самой радости и величю праздника, в какой-то мере превзойти свой привычный способ выражения в порыве высокого и радостного вдохновения. Этому великому произведению преподобного Иоанна Дамаскина дано, воистину, пережить все времена и эпохи, дано донести в полной сохранности радость и истину Светлого Христова Воскресения до наших дней.

Как утверждают многие исследователи, канон пасхальный является основной, главной частью богослужения пасхальной утрени, и потому именно ему дано стать центром пасхальной церковной радости как в светлую ночь Воскресения Христова, так и во все дни Светлой седмицы и последующих воскресных дней, вплоть до Вознесения Господня.

«Очистим чувства и узрим» — это первый вдохновенный призыв преподобного Иоанна, приглашающий нас вслед за проретым первым радостным ирмосом Пасхи узнать путь, определить меру вхождения в тайну Светлого Христова Воскресения. Очистить чувства, изменить обычное внешнее и внутреннее восприятие мира — и только тогда — насколько возможно — узреть непостижимую тайну восстания Христа из мертвых. Это, конечно, урок, наставление инока, научившегося путем долгих и разнообразных испытаний очищать внутреннее око души своей.

«Очистим чувства и узрим неприступным светом воскресения Христа блистающая...» [14] — очистим чувство духовного зрения. Очистим также и чувство слуха, ухо, которое может услышать: «...Радуйтесь, рекуща ясно да услышим, победную поюще». Это опять живое напоминание нам, живое слово, сказанное от опыта подвизающегося инока.

Но подлинную пасхальную радость слышит не только ухо подвижника; в светлую ночь всем нам дается завет очистить чувства и одновременно сообщается уверенность в том, что мы все *можем* и узреть и услышать радость Воскресения Христова. В этом — непререкаемая, безусловная сила пасхального канона преподобного Дамаскина, прорезавшего, увидевшего, показавшего нам, на что способен человек, если чувства его очищены. [14]

Преподобный Иоанн в некоторых ирмосах песней своего пасхального канона придерживается обычной, принятой темы этих ирмосов, но часто преодолевает эту установившуюся форму, и она звучит по-новому, как по-новому строит он и весь канон. Так, в ирмосах пасхального канона преподобный творец его удерживает обычное упоминание пророка Аввакума в четвертой песни; пророка Ионы — в шестой и отроков — в седьмой; остальные же ирмосы песней преподобный Иоанн образует свободно, и все они исполнены радости великой победы Христовой.

Может быть, в ирмосе первой песни можно также усмотреть некоторое напоминание установленной темы — перехода евреев через Чермное море — в глаголе «преведе», но это упоминание не столько повторяет обычное построение, сколько превосходит его победным гимном Воскресения Христова.

«Воскресения день, просветимся, людие! Пасха, Господня Пасха! От смерти бо к жизни, и от земли к небеси Христос Бог нас преведе, победную поющая». [14] Здесь все предельно кратко, сжато, радостно. Здесь нет лишних слов и никаких размышлений; здесь только свидетельство Божественного веселия.

После того, как мы призваны очистить наши чувства, мы не находим в каноне последовательного развития этой мысли. Святой песнописец как бы торопится вести нас за собой по песням канона, чтобы мы могли восчувствовать радость всего мира, видимого и невидимого, отозвавшегося на величайшее чудо нашей веры — преславное Воскресение Христово. Впрочем, может быть, в ирмосе следующей, третьей песни, где предлагается пить новое питье, есть также обращение к нашим чувствам, тоже высоким, духовным, как выше было обращение к чувствам зрения и слуха: «Приидите пиво пнем новое, не от камне неплодна чудодеемое, но нетления источник из гроба одождивша Христа, в Нем же утверждаемся». [14]

Но видимый и невидимый мир недостаточны для того, чтобы вместить неуместимую радость Пасхи, и потому дальше, кроме земли и неба, святым Иоанном приглашается и пренеподняя и все умершие, чтобы вся тварь праздновала восстание Христово. «Ныне вся исполнишася света, небо же и земля, и пренеподняя; да празднует убо вся тварь восстание Христово, в Нем же утверждаемся». [14] Это — тропарь третьей песни пасхального канона. Темы сошествия Христа во ад Преподобный будет касаться и позднее. Ему необходимо сосредоточить сердце христианина на разнообразных последствиях действия Христова Воскресения в мире, и потому, бросив семя этой мысли о пренеподней, он возвращается к ней в пятой песни канона. «Безмерное Твое благоутробие,—воскликает он в 1-м тропаре этой песни,—адовыми узами содержимии зряще, к свету идяху, Христе, веселыми ногами, Пасху хваляще вечную». [14]

Но наряду с этими мыслями перед преподобным Иоанном уже в середине канона встает образ Христа как Агнца Божия, и образу этому он посвящает почти всю четвертую песнь. «...Явился Христос,—воспевает он в 1-м же тропаре этой песни,—яко человек же, Агнец наречеся...» С еще большей любовью и искренностью это уподобление Христа агнцу Преподобный дает в следующем тропаре, причем Христос здесь — Агнец юный, однолетний. «Яко единолетний Агнец, благословенный нам венец Христос,—воспевает преподобный Иоанн,—волею за всех заклан бысть...» [14]

Эта одна из центральных мыслей канона будет привлекать творца его и дальше: «Спасе мой,—воскликает преподобный во 2-м тропаре шестой песни,—живое же и нежертвенное заколение!» — и далее соединяет с этим исповеданием величайшей Спасовой Жертвы утверждение о совоскрешении Христом и «всероднаго Адама» — родоначальника людей.

Праотцев наших, людей Ветхого Завета, прообразовавших Христа и Его спасительную Жертву, преподобный Дамаскин не может не назвать наряду с упоминанием «всероднаго Адама». В тропарях пасхального канона присутствует и Богоотец Давид, который в восторге скачет «пред сенным (прообразовательным) ковчегом». Здесь же и обращение к именам пророков Аввакума и Ионы, здесь и образ отроков в печи Вавилонской соединяется с идеей бессмертия: «и страстию смертное в нетления облачит благолепие...»

Но преподобный Иоанн Дамаскин — сын Нового Завета, и потому образы этого Завета в значительно большей мере обладают его сердцем и поэтическим вдохновением.

Дамаскин неоднократно вспоминает жертвенный подвиг жен-мироносиц в ночь Христова Воскресения. Он приглашает в ирмосе пятой песни встать рано, глубоким утром и уподобиться мироносицам, только вместо вещественного благовонного мира принести Христу песнь: «Утренюем утреннюю глубокú, и вместо мира песнь принесем Владыще...» А в тропаре седьмой песни он даже более подробно излагает весь путь, скорбь и слезы жен-мироносиц: «Жены с миры богомудрия вслед Тебе течаху; Егоже яко мертва, со слезами искаху, поклонишася, радующияся Живому Богу, и Пасху тайную Твоим, Христе, учеником благовестиша». [14]

В Воскресении Христовом все ново, и потому святой песнописец с такой теплотой запечатлевает все, что относится к этому Новому

Завету между Богом и людьми. Он находит даже место в своем боговдохновенном произведении, чтобы сказать духовнопоэтическое слово и о природе Божией, о спасительной и светозарной ночи, провозвестнице светоносного дня, а о самом дне Воскресения Христова возвыситься до стилия пророков и назвать этот день царем и господом всех суббот в ирмосе восьмой песни.

В этой песни уже отмечается тот подъем к вершине пасхального канона, который завершится в последней, девятой песни приглашением испить нового виноградного плода, иначе, Божественного веселия и Царства Христова: «Приидите, новаго винограда рождения, Божественного веселия, в нарочитом дни Воскресения, Царствия Христова приобщимся...» [14]

И вот вершина канона — девятая песнь с призывом в Новый, таинственный Иерусалим, которому предлагается светиться, так как его осияла слава Господня: «Светися, светися, новый Иерусалиме, слава бо Господня на тебе возсия...». Может быть, слова эти и не требуют перевода, так как воспринимаются не столько слухом, сколько глубоким чувством души. Это — уже таинство будущей жизни, Новый Иерусалим тайнозрителя Иоанна Богослова. Здесь, в заключительной песни канона Преподобный нашел особую форму, особую силу для изображения этого Нового Иерусалима из Откровения. О Царстве вечной жизни песнописец уже говорил выше, в седьмой песни; там он повествовал об умерщвлении смерти, разрушении ада и начале вечного жития, но только в заключительной песни канона это начало вечной жизни, дарованной Христом, достигает апогея своего выражения.

Два последних тропаря канона начинаются восклицанием «О!». Это восклицание по-гречески изображается омегой (ω), которая является заключительной буквой греческого алфавита. Омега знаменует одновременно и восклицание, восторг преподобного песнописца, и окончание, предел его канона. Таинственно это восклицание; оно означает и Христа, Который есть Альфа и Омега нашей жизни.

В обоих упомянутых заключительных тропарях — воспевание жизни со Христом до скончания века: «О Божественного, о любезного, о сладчайшего Твоего гласа! С нами бо неложно обещался еси быти до скончания века, Христе...» [14] А последний тропарь «О Пасха велия и священнейшая, Христе!...» есть еще и молитва о приобщении Христу «в невечернем дни» Царства Христова. Этот тропарь настолько велик и проникновенен, настолько потрясает сердце, что, по существу, не имеет себе подобного во всей песнотворческой литературе.

«О Пасха велия и священнейшая, Христе! О Мудросте, и Слове Божий, и Слово! Подавай нам истее Тебе причащатися в невечернем дни Царствия Твоего». [14]

Приведенный нами посильный разбор пасхального канона святого Иоанна Дамаскина имеет свою целью показать, что при всей его разнообразной тематике, написанный с высоким вдохновением, он является в то же время весьма органично построенным произведением, в котором можно выявить начало, своего рода вступление, далее развитие различных тем, в том числе некоторых основных, руководящих, и, наконец, завершение с обращением ко Христу — «Пасхе велией и священнейшей». Продуманной внутренней композиции канона соответствует богатство и сила его словарного состава.

Развитие отдельных идей, намеченных в пасхальном каноне преподобным Иоанном Дамаскиным, можно наблюдать в другом его произведении, относящемся к Неделе Антипасхи, Фомину воскресенью, в каноне праздника.

Этот канон, помеченный именем Иоанна-монаха, не разбирается подробно в работах русских богословов и знатоков церковной письменности. В основном труде Преосвященного Филарета, архиепископа Черниговского, «Историческое учение об отцах Церкви» [2] он не показан даже в примечаниях, хотя именно в этих примечаниях маститый богослов с уверенностью высказывается о том, что Иоанн Дамаскин по своему глубокому смирению часто подписывал свои каноны именем Иоанна-монаха и что эти каноны «принадлежат знаменитому, но смиренному певцу Дамаскину». Только в своем специальном труде о песнописцах и песнопениях Греческой Церкви Преосвященный Филарет делает указания, ссылаясь на мнение Максима Грека, что канон Недели Фоминой принадлежит перу преподобного Дамаскина. [13]

Канон этот очень небольшой, содержит всего 26 тропарей; формально он посвящен святому апостолу Фоме, его осязанию язв Господа (14 тропарей), но по существу своему канон праздника Антипасхи есть воспевание Святого Воскресения Христова, воспевание тех сторон этого великого события, которых песнописец не смог коснуться в своем торжественном, боговдохновенном произведении — пасхальном каноне. Канон Антипасхи исполнен глубоких созерцаний и размышлений преподобного песнописца о том, что даровало миру Воскресение Христово.

Он и начинается раздумчивым пением первого ирмоса «Поим, вси людие, от горькия работы фараони...», а затем глубоко поэтического первого тропаря: «Днесь весна душам, зане Христос от гроба, якоже солнце, возсия тридневный, мрачную бурю отгна греха нашего. Того воспом, яко прославися». [14]

Никто не может остаться равнодушным к поэзии этих исповеданий преподобного Иоанна. В службе церковной несколько необычно слышать подобное воспевание природы Божией. Однако это не только образ весны как времени года, но преимущественно образ весны души, потому что Христос воскрес из гроба.

Здесь образы весны, солнца и мрачной бури насколько означают земную, зримую природу, настолько же приближают понимание незримого таинства Воскресения. «Христос — яко солнце», «мрачная буря» — наши неправды, а весна природы — весна наших душ.

Случалось наблюдать, как суровые иноки, во всем верные заветам Христовым, радовались и утешались подлинным духовным утешением от необычайных слов этого канона.

«Царице времен, — утверждает в радости духа творец канона дальше, — светоносному дню, дней же Царю явственнейши даронося, красит избранныя люди церковныя, непрестанно поя воскресшаго Христа». [14] Здесь выражено именно то, о чем мы сказали выше: радуется сердце церковных людей весна — царица времен — тем, что приносит в дар Царю дней воспевание Христа воскресшего.

Знакомство с богословским трудом преподобного Иоанна Дамаскина «Точное изложение православной веры», с теми именно его разделами, которые посвящены изложению творения видимого мира: неба, света, огня, светил (кн. 2, гл. 5—7), [11] не оставляет сомнения в том, что в каноне Антипасхи в форме церковных поэтических стрóf выра-

жены те же мысли, которые имеются в богословском произведении. Здесь, несомненно, представлено одно и то же лицо, которое свой запас богословского ведения вложило в творчество богослужебно-церковных песней канона.

Канон дальше продолжает восхваление Воскресения Христова, того именно момента в нем, что ни смерть, ни гробные печати, ни «заключенные двери» не удержали Христа; образ природы Божией в этой песне отходит, но опять возвращается в тропарях следующих песней.

Канон построен преподобным Иоанном так, что две основные его идеи — восстание Христа из мертвых и осызание Фомино — взаимно дополняют одна другую, и это позволяет творцу канона высказать некоторые мысли, раньше не фигурировавшие.

«Новыя вместо ветхих,—воскликает он в 1-м тропаре следующей, третьей песни,— вместо же тленных нетленные Крестом Твоим, Христе, совершив нас, во обновлении жизни жителствовати достойно повелел еси». [14]

Таким образом, от созерцания природы видимой Преподобный переходит к утверждению обновления человеческой жизни всем подвигом Христовым.

В первых двух песнях канона преподобный Иоанн, будучи восхищен созерцанием таинства Воскресения Христова и обновления жизни во Христе, еще не касается самого образа апостола Фомы; он говорит о всех учениках, которым Христос показывает язвы: «язвы... учеником Твоим сохранив... свидетельство показал еси...», и только в тропарях четвертой песни преподобный песнописец делает переход к апостолу Фоме. Ему он посвящает дальше тропари пятой песни и полностью шестую и восьмую песни.

Но Христос, восставший из мертвых,—по-прежнему средоточие всех помыслов песнописца. «Желчи убо вкуси,—пишет он в 1-м тропаре четвертой песни, обращаясь ко Христу,— древнее вкушение исцеляя, ныне же с сотом меда просвещение подая Христос праотцу, и Свое сладкое причастие».

Последняя мысль — общение со Христом в вечной жизни — являлась и в пасхальном каноне одной из излюбленных для преподобного Иоанна. К этой грядущей вечной жизни всем сердцем устремлен преподобный и в каноне Антипасхи. В 1-м тропаре седьмой песни этого канона, психологически опять утверждаясь на тайне Воскресения Христова, он восклицает: «Яко первый есть дней, и господственный светоносный сый, вонже радоватися достойно новым и Божественным людем с трепетом, приносит бо и века образ, яко осмица совершая будущаго, превозносимый отцев и наш Боже, благословен еси». [14]

Осмица, восьмой день — день будущего века — рождается, возникает, утверждается на таинстве Воскресения Христова. Это — первый из всех дней, светоносный и господственный, день радости новых людей Божиих, он приносит и образ будущего века. Этот образ осмицы будущего нам представляется одной из величайших высот гения преподобного Иоанна.

В тропаре седьмой песни, относящемся к апостолу Фоме, преподобный Иоанн пользуется случаем, чтобы сказать лишний раз об одном из важнейших догматов — о двух естествах Христовых: «Трепетен (апостол Фома) ощути действо, Спасе, сугубое двема естествома в Тебе соединяеыма неслиянно...» В тропаре восьмой песни преподобный

Иоанн, богословствуя, восклицает: «Твое неудобное сокровище, утаенное нам отверзе Фома, богословив об языке богоносном, пойте Господа, глаголаше...».

Девятая — заключительная — песнь канона содержит умиротворенное, светлое славословие; мысль творца канона не возвращается ни к свидетельствам о вечной жизни, ни к идее о восьмом дне.

«Твой светлый день и пресветлый, Христе, — изъясняется Преподобный в этой заключительной песни, — всесветлую благодать, вонуже красный добротой учеником Твоим предстал еси, в песнях величаем». [14] Последнее выражение — «в песнях величаем» (или «песнями величаем») — будет повторяться в заключение всех тропарей этой песни, причем Преподобный найдет возможность, не называя апостола Фомы, сказать, что он величает Христа воскресшего, «бренною дланию осязаема в ребра и не опаливша сию огнем невещественнаго Божественнаго существа...»

В ексапостилярии вновь повторяются основные идеи, изложенные в каноне. «Днесь весна благоухает и новая тварь ликует, — читаем мы в нем, — днесь взимаются ключи дверей и неверия Фомы друга вопиюща: Господь и Бог мой». [14]

Из сделанного нами разбора канона праздника Антипасхи очевидно, что мысль и чувства преподобного песнописца постоянно расширялись и обновлялись при духовном соприкосновении со спасительной тайной нашей веры — Воскресением Христовым.

* * *

Воскресные песнопения Октоиха, написанные преподобным Иоанном Дамаскиным, имеют также высокие качества. Из этих песнопений целесообразно отдельно рассмотреть стихиры, и среди них особо догматики, а также каноны.

Воскресные стихиры на «Господи, возвах» сразу и тепло объедают душу молящегося. Они различны по своему смыслу и напеву и всегда создают особый ритм наступающего воскресного дня. Они, эти стихиры, вместе с напевом своим обладают особой мягкостью, молитвенностью, убежденностью призыва праздновать Воскресение «Спаса Христа и с Ним совоскресать.

«Вечерняя наша молитвы прими, Святыи Господи, — слышим мы в напевах стихир 1-го гласа, — и подаждь нам оставление грехов, яко Един еси явлей в мире воскресение». В следующих стихирах того же гласа развивается мысль об избавлении нас Христом от беззаконий наших. [15]

Многие из воскресных стихир, напротив, бывают и суровы; в них печатлеется основная мысль о крестной смерти Христовой и только потом о Воскресении. Таковы стихиры 3-го, 4-го, 5-го, 6-го гласов, но каждая гласовая группа этих стихир, имея свой, особый музыкальный строй, особенно действует и на душу, по-разному открывает празднование воскресного дня. Очень утешительны стихиры, где прославляется Святая Троица. Воспеванию этого догмата посвящена, в частности, последняя, третья стихира 3-го гласа. «Славлю Отца и Сына силу, — слышим мы слова святого Иоанна, — и Святаго Духа пою власть, нераздельное, несозданное Божество, Троицу Единосущную, царствующую в век века». [15]

Касаются глубины души и образы из второй стихире 5-го гласа: «Воскресение даяй роду человеческому, яко овча на заколение ведеса».

Но вот опять мягкость образов и теплота напева в стихирах 8-го гласа: «Вечернюю песнь и словесную службу Тебе, Христе, приносим, яко благоволил еси помиловати нас Воскресением» (1-я стихира). [15]

Эта мысль о помиловании нас Воскресением, об оставлении грехов наших Воскресением развивается в последующих стихирах того же гласа, в результате чего сердце человеческое обретает себе твердую и верную надежду помилования, и это неотторжимо.

Если в приведенных воскресных стихирах на «Господи, воззвах» святой Иоанн Дамаскин излагает в поэтической форме те свои богословские мысли, которые он строго обосновывает в своих научных трудах, и особенно в своем «Точном изложении православной веры», то еще больше определяется эта связь в торжественных заключительных Богородичных стихирах — догматиках. О последних Преосвященный Филарет, архиепископ Черниговский, свидетельствует как о произведениях превосходных, и прежде всего, по их догматическому содержанию. Он признаёт, что, помимо основного догмата о воплощении Сына Божия, и все остальные догматы находят место в догматиках преподобного Иоанна Дамаскина. [13]

Догматики, как правило, значительны по своему размеру. Они посвящены воспеванию Пресвятой Девы Марии. Матерь Божия именуется в них «небесною дверью»; Она — «безплотных песнь и верных удобрение» (глас 1-й); Она — подобна купине, которая «не сгараше, опаляема» (глас 2-й); Она — и «неискусобрачная Невеста» (глас 5-й); Она и — «Дева паче слова и разума» (глас 7-й). [15]

В этих величественных стихирах преподобный Иоанн Дамаскин находит возможным и даже необходимым сказать также о догмате, касающемся двух естеств Господа нашего, о спасении нас подвигом Христовым и о прочих таинствах нашего исповедания.

«Не во двою лицу разделяемый,—убежденно звучит исповедание Преподобного в догматике 6-го гласа,—но во двою естеству неслитно познаваемый...» И, может быть, еще сильнее тот же догмат выражен в догматике 8-го гласа. «Царь Небесный за человеколюбие на земли явися и с человеки поживе...,—слышим мы, потрясенные до глубины сердца смыслом изображенного (и торжественностью напева!),—...един есть Сын сугуб естеством, но не Ипостасию...» [15]

В догматике 7-го гласа преподобный Иоанн убеждает нас, что «идеже бо хочет Бог, побеждается естества чин...», а в догматике 4-го гласа находит особо искренние, глубоко трогающие нас уверения, что Господь наш «...заблуждшее горохищное обрет овча на рамо восприим, ко Отцу принесет...» [15] Этого взятого «на рамо», погибшего «овча» знаменует и омофор православного епископа.

Разбор всех воскресных канонов Дамаскина вряд ли возможен в пределах одного очерка. Этот разбор мог бы составить самостоятельный труд, предполагающий и воспроизведение всего творчества преподобного песнопisca в составлении Октоиха. В нашем разборе канонов мы остановимся преимущественно на оценке ирмосов отдельных песней по гласам Октоиха, выявляя в них отдельные, типичные, с нашей точки зрения, черты.

В воскресных канонах, особенно же в ирмосах этих канонов, можно выделить два основных момента. Это — прежде всего, спасительные догматы нашей веры, которые звучат и в стихирах на «Господи, воззвах»; это, во-вторых, — голос и молитва человека-христианина, ищущего

щего спасения от обладающего им греха, и здесь преподобный песнописец как бы усвоится этому гибнущему в беззакониях грешнику и от его имени воссылает вопли и мольбы о помиловании. Имеются в ирмосах канонов и отдельные поэтические обобщения мирозерцания и исповедания человека, обретающегося в Церкви.

Воскресные каноны преподобного Иоанна Дамаскина начинаются ирмосом первой песни 1-го гласа, где Преподобный отражает чудо, происшедшее с ним, когда была исцелена его отсеченная десница: «Твоя победительная десница боголепно в крепости прославися...» [15] Эту «десную руку» Преподобный будет потом неоднократно упоминать и в своих антифонах, исполненных глубокого внутреннего чувства.

Основной догмат, который воспевают преподобный Иоанн в ирмосах своих воскресных канонов,— догмат Боговоплощения.

«Положил еси к нам твердую любовь, Господи,— говорит святой Дамаскин в ирмосе четвертой песни 3-го гласа,— Единородного бо Твоего Сына за ны на смерть дал еси...» [15] Эта же мысль видоизменяется в ирмосе четвертой песни 7-го гласа, где голос молящегося обращен уже не к Отцу, а к Сыну: «Отча недра не оставль, и сошед на землю, Христе Боже...» [15] И вновь как бы печатлеется исповедание спасения нашего в ирмосе четвертой песни 2-го гласа: «Пришел еси от Девы, не ходатай, ни Ангел, но Сам, Господи, воплощя и спасл еси всего мя человека...» [15] Воистину спасает нас только Господь, Сын Божий, Бог Слово—ни ходатай, ни ангел не может сотворить спасения. Догмат Боговоплощения преподобный Иоанн постоянно носит в душе и потому—чаще в ирмосах девятой песни—всегда по-новому говорит об этом таинстве нашей веры. «Образ чистаго рожества Твоего огнепалимая купина показа неопальная...»,—свидетельствует он в ирмосе 1-го гласа. «Нетления искушением рождшая и Всехитрецу Слову плоть взаимодавшая...»,—говорит он в ирмосе 7-го гласа. И особо торжественно и величественно вещает Преподобный в ирмосе 5-го гласа: «Исаие, ликуй, Дева име во чреве и роди Сына Эммануила...» [15] Этот торжественный ирмос поется при совершении Таинств христианских: Священства и Брака.

Вспоминает преподобный Иоанн Дамаскин и образ Церкви Христовой. «Веселится о Тебе Церковь Твоя, Христе, зовущи: «Ты моя крепость, Господи, и прибежище, и утверждение»,—поет он в ирмосе третьей песни 4-го гласа. «Христос моя сила Бог и Господь, честная Церковь боголепно поет, зывающии...»,—слышим мы в четвертой песни 6-го гласа. [15]

Среди этих общецерковных возгласов явственно проступают и вздохну верующего человека, борющегося с грехом, и преподобный песнописец прислушивается к этой борьбе и скорбит вместе с этим человеком общей человеческой скорбью.

«Обыде нас последняя бездна,—воскликает он в ирмосе шестой песни 1-го гласа,—несть избавляяй, вменихомся яко овцы заколения...». Опять в ирмосе пятой песни уже 5-го гласа он вопиет: «Одейся светом яко ризою, к Тебе утренюю и Тебе зову: душу мою просвети омраченную, Христе, яко Един благоутробен». [15]

Особенно отличаются подобными скорбными мольбами ирмосы 8-го гласа. Так, в четвертой песни из глубины человеческого сердца, находящегося в скорби, исторгается исповедание: «Ты моя крепость, Господи, Ты моя и сила, Ты мой Бог, Ты мое радование...». А в следующей,

пятой песни содержится уже горький плач оставленности: «Вскую мя отрунул еси от Лица Твоего, Свете незаходимый, и покрыла мя есть чуждая тьма окаяннаго...». И в шестой песни продолжают те же скорбные излияния: «Очисти мя, Спасе, многа бо беззакония моя и из глубины зол возведи, молюся...» [15]

В ирмосах воскресных канонов преподобный песнописец поверяет свои глубокие богословские поиски церковной лире. «Иже от не сущих вся приведый словом созидаемая,— воспеваает Преподобный, как бы восходя мысленно к началу начал,— совершаемая Духом, Вседержителю Вышний, в любви Твоей утверди мене» (ирмос третьей песни 3-го гласа). Ту же идею прослеживаем и в третьей песни 7-го гласа: «В начале небеса всеильным Словом Твоим утверждей, Господи Спасе, и вседетельным и Божиим Духом всю силу их...». Ирмос той же песни 8-го гласа звучит легче и короче: «Утверждей в начале небеса разумом и землю на водах основавай...»

И, пожалуй, особенно глубоко звучит богословие преподобного Иоанна в ирмосе девятой песни 6-го гласа: «Бога человеком не возможно видети, на Него же не смеют чини ангельстии взирати...» [15] Мы знаем из житий святых, что этот ирмос, это изречение произносилось ими в поворотные моменты их жизни. «Бога человеком не возможно видети...».

Таковы труды преподобного Иоанна Дамаскина в стихирах и канонах созданного им Октоиха.

Из изложения двух последних разделов становится очевидным, что воспевание Воскресения Христова и всех последствий этого преславного чуда составляет один из центральных, наиболее обширных по своему объему трудов преподобного песнописца.

Недаром это почувствовало и религиозное сознание поэта А. К. Толстого, когда, освобожденный от запрета писать, святой Иоанн в его поэме восклицает:

«Раздайся ж, воскресная песня моя!

Как солнце, взойди над землею!» [8]

Именно воскресная песня, песня Воскресения Христова воистину является основной в творчестве преподобного Иоанна, и она воистину взошла, как солнце, на тверди церковной.

* * *

В канонах на великие двенадцатые праздники преподобный Иоанн Дамаскин еще более отчетливо раскрывается как боговдохновенный песнотворец.

Большая часть этих канонов написана стихами, где преподобный песнописец встает перед нами как поэт, отражающий тончайшие духовные чувства не только в строках ирмосов и тропарей, но даже в акростихах канонов, которые тоже иногда пишутся стихами. Здесь преподобный Иоанн Дамаскин говорит о том, как дорого ему дело песнопевца, как эту способность — воспевать песни Господу — он ставит выше всего другого. Каноны святого Иоанна построены так, что начальная буква каждой строки ирмоса и тропаря входит в акростих, и если в каноне 130 стихотворных строк, то в акростихе 130 букв. Так, в каноне на Рождество Христово имеется 26 ирмосов и тропарей, по пять строк в каждом. Другие праздничные каноны построены также по этому принципу.

В акrostихе канона на Рождество Христово преподобный Иоанн молитвенно воспевает: «Ты же, Царь, спаси от бед песнопевцев», говоря здесь о всех, слагающих церковные песни, не отделяя себя от других, но, напротив, смиренно объединяя себя со всеми остальными. Также и в акrostихе канона на Богоявление, представляющем собою четверостишие из гекзаметров и пентаметров, преподобный Иоанн пишет о деле песнопевцев и заключает его следующим образом: «а певцам сих песней Он, милосердый, подает благодать». Наконец, и в акrostихе канона на Пятидесятницу преподобный Иоанн в стихотворной форме ублажает Духа Утешителя, «приносящего в огненных языках... благодать и песнопевцам». [9]

Так жизненно важно было для преподобного Иоанна делание его как песнопевца, что он вводит мысль об этом в акrostихи своих наиболее известных канонов. Поистине велик был труд поэта, сумевшего подобрать к 130—135 буквам своего акrostиха, выражающего основную идею канона, те 130—135 строк, начальные буквы которых формировали бы этот акrostих. Если при этом еще учесть, что и акrostих, и каждый ирмос и тропарь построены в стихотворной форме, становится ясным, почему местами труден для понимания смысл песнопений Дамаскина; однако вместе с трудностью понимания отдельных мест его произведений в них заключается и большая глубина, та польза, которая происходит из рассмотрения богословского смысла его изречений.

В том случае, когда преподобный Иоанн пишет каноны стихами, он обычно употребляет шестистопный ямб или ямбический триметр, как отмечает святитель Черниговский Филарет. Каждый стих как ирмоса, так и тропаря содержит пять строк.

При исследовании праздничных канонов преподобного Иоанна Дамаскина удается выделить ряд вопросов, которые являются наиболее близкими для святого песнопевца, которые волнуют его, а также идеи, к которым он постоянно возвращается и освещает их с разных сторон. Имеются у преподобного Иоанна в этих канонах и отдельные излюбленные выражения, которые много раз повторяются и в тропарях, и в ирмосах. Есть, наконец, признаки, которые роднят каноны на великие праздники с тем основным, что нами было определено в его знаменитом пасхальном каноне.

Если остановиться вначале на отдельных мыслях, близких святому Иоанну, это будут опять его воззвания к Богу и молитвы о достойном песнопении. «Призри на пения рабов, Благодетелю, врага смиряя вознесенную гордыню», — молитвенно восклицает преподобный Иоанн в ирмосе третьей песни канона на Рождество Христово и продолжает: «носяй же, Всевидче, греха превыше непоколеблемо утвержденных, Блаже, певцы основаннем веры». [9]

В том же каноне, в ирмосе пятой песни, преподобный песнописец просит милости и удобную стезю всем, «бодренно ныне совершающим песнь, яко Благодетелю...».

В ирмосе шестой песни того же канона святой Иоанн, помяная пророка Иону, рад сказать о себе как песнопевце: «Христу воспеваю, зол губителю...».

Дальше, в ирмосе восьмой песни, помяная отроков еврейских, он свидетельствует, что «люди к пению возставляет благодать».

И, наконец, знаменитый ирмос девятой песни, являющийся задостойником праздника, точно отражает все мысли преподобного Иоанна

о песнопении: «Любити убо нам, яко безбедное страхом удобее молчание; любовию же, Дево, песни ткати спротяженно сложенные, неудобно есть. Но и, Мати, силу, елико есть произволение, даждь». [9] По страху, исповедует здесь Преподобный, лучше бы хранить молчание, но по любви составлять стройно сложенные песни не легко, но дай нам силу, просит он Божию Матерь, сотворить эти песни.

Молитва о помощи в деле песнопевца и исповедание сладости этого труда опять звучат в ирмосах канона на другой великий праздник — Крещение Господне.

В ирмосе третьей песни преподобный Иоанн воспевает избавление от сетей врага и тут же предлагает составить сладкопесенное слово Богу, что из всех даров наших составляет наибольшую приятность. По-славянски это звучит так: «...Радуимся и разширим уста, слово плетуще от словес сладкопения, имже к нам наслаждается дарований». [9]

Нам кажется необходимым подчеркнуть это личное высказывание преподобного Иоанна, чтобы установить, что Преподобный считал самым важным в своем творчестве. Из приведенных слов мы видим, как неправы те критики, которые считали его песнотворческую деятельность чем-то совершенно случайным в его трудах как богослова и диалектика. Мы видим из приведенных цитат, как свято чтит преподобный Иоанн Дамаскин служение Церкви в качестве песнопевца, как постоянно умолял Господа о помощи в этом деле, которое считал для себя самым дорогим.

Преподобный Иоанн снабждает даром пения и ветхозаветных пророков, прообразовательно говорящих о благодати Нового Завета. Так, он утверждает в ирмосе четвертой песни того же канона на Богоявление о пророке Аввакуме: «Огнем очища тайнаго зрения, поя пророк челоуков новодейство...». И в ирмосе заключительной, девятой песни канона он опять свидетельствует о даре песнопевца. Обращаясь к Божией Матери, Преподобный поет: «...Достойно хвалим, яко Благодетеля, дар носяще песнь благодарения».

Обильным потоком эти же мысли преподобного песнописца текут в его каноне на Вознесение Господне. Здесь не только в ирмосах песней, но и в тропарях многократно и весьма разнообразно изъясняется чувство воспевания Христа, возносящегося на небо. Тут Преподобный говорит: и «поим», и «воспоим», и «возопих», и «вопием»; тут воспевание Христа усваивается ангельским ликам, тут опять убогаются отроки «в печи» как песнословцы, тут и священники приглашаются, чтобы воспеть песнь, а девятая, заключительная песнь превращается в дивное величание Господа, восходящего ко Отцу. [14]

В каноне на Пятидесятницу, написанном, как и каноны на Рождество Христово и Богоявление, стихами в размеренном ритме, опять проявляется торжество песнопения. Уже в ирмосе первой песни, усвоив пророку Моисею видение Бога и приятие Духа Святаго, преподобный Иоанн возвещает, что пророк «видит Сушаго и научается Духа разуму, хваля Божественными песньми». В том же каноне, в ирмосе четвертой песни, Триипостасного Бога, «яко Благодетеля», поют апостолы, в восьмой — «отроцы». И, как обычно, в ирмосе девятой песни, посвященной Богоматери, преподобный песнописец исповедует, что никто не может Ее «пети достойно» и что восхвалить и прославить Божию Матерь можно только «согласно», устами всех поющих и молящихся.

Наконец, в праздник Успения Богоматери преподобный Иоанн на-

ходит возможным говорить об «исходной песни» в первом тропаре канона: «Девы отроковицы, с Мариамиею пророчицею исходную ныне воскликните...».

В пятой песни преподобный Иоанн обращается к «трубам богословов», чтобы воспеть «Пречистыя Девы усмение». [9]

Так через все свои наиболее совершенные церковные песнопения преподобный гимнограф пронесит признание, исповедание радости и сладости для него песнотворческого труда.

Преподобному Иоанну воистину дается в восторге чистого молитвенного вдохновения сказать в своих канонах слово, которое может воскресить и поддержать унывающую душу.

Так, услышанные нами за радостной службой Рождества Христова слова канона преподобного Иоанна: «Высокою Царствуяй небес, милосердием совершает о нас...» (п. 3, тр. 2) окрыляют наше сердце, и именно это краткое выражение милости Божией, именно на церковнославянском языке оказывает свое великое воздействие на человека.

А как потрясают нас слова ирмоса шестой песни канона на праздник Богоявления, где известуется, что Спаситель наш, «Сын сый светозарен, произниче из человека рода...!»! Здесь и радостное пение, и тонкость выражения живописуют, образуют праздник, непостижимый в своей сути: Сам Христос омывает грехи наши, погружаясь в воды Иордана. [9]

В канонах этих двух названных праздников можно заметить одно выражение *стеязя* (о τριβος), которое особенно дорого преподобному песнописцу и которое он многократно повторяет в том и другом каноне, находя каждый раз новое применение этому слову.

«..Стезю проходну небесе полагает нам», — спешит уверить нас преподобный Иоанн в ирмосе первой песни Рождественского канона. И мы принимаем это уверение сердцем и душою, тем более, что оно так сродно, так близко нам, так просится в наше восприятие «Малой Пасхи». Опять воспевается стезя в ирмосе пятой песни канона. Теперь это уже просьба, молитва: «...Прииди, подаваяй удобну стезю, по нейже востекающе, обрящем славу».

В каноне на Богоявление термин «стезя» звучит уже иначе. В ирмосе пятой песни преподобный Иоанн свидетельствует, что мы, люди Нового Завета, «очищением Духа изомвени, к новой пристахом неблаженной стези, вводящей в неприступную радость...». В первых двух тропарях седьмой песни того же канона говорится о том, что, охраняя нас «от посползновенныя стези», Христос, крестившийся во Иордане, «некоснителне» ведет нас к «нетленной и полезней стези». [9]

Особенно обильно собираются чудные речения преподобного Иоанна в каноне на праздник Пятидесятницы. Начиная канон, в первом же тропаре, святой песнописец с большим дерзновением и вместе верой изрекает утешительные слова Господа, обращенные к Его ученикам: «Рекоша чистая и честная Уста: разлучения вам не будет, о друзи! Аз бо на Отчем вышнем престоле соседя, излию Духа, возсияти желающим благодать независтную». Эти «чистая и честная Уста» утешали впоследствии многих страдальцев, внушая им надежду и на свидание с близкими, и на непреложную во все века помощь и благодать Духа Святого.

Дальше, в ирмосе пятой песни, как бы восприняв силу духовную от обилия благодати святого дня Пятидесятницы, преподобный Иоанн вос-

кликает, утешая верующих, убеждая их и путеводствуя к подлинной духовной радости: «Решительное очищение грехов, огнедохновенную примите Духа рóсу, о чада светообразная церковная...». Как утешительно нам сознавать, что даже при глубине нашего падения, при нашем недостойнстве, находясь в Церкви, принимая ее спасительные таинства, мы можем быть «светообразными чадами церковными!» И это подлинно так; в этом — утверждение нашего бытия и поручитель тому — наш чудный песнопевец, утвердивший нас в том, что мы — «светообразная чада церковная», сам выстрадавший это утверждение своей жизнью, — преподобный отец наш, святой Иоанн Дамаскин.

Каноны преподобного Иоанна на великие праздники содержат в себе, кроме изложенного, также и основополагающие богословские истины, которых он не мог не коснуться, будучи, по существу, систематиком христианских догматов в своих сочинениях, особенно же в своем «Точном изложении православной веры».

В наиболее прославленных канонах преподобного песнописца удастся отметить, что его тревожат судьбы мира, лежащего во зле; далее он видит немощь человеческую и особенно отчетливо понимает отсюда, что дало пришествие Христово людям. Все эти три положения взаимно объединены, соприсутствуют друг другу и находят отражение в службе тех праздников, которые воспевает Преподобный.

Так, в каноне на Рождество Христово мы видим, как преподобный Иоанн прославляет Христа, разрушившего нашу «лютую» вражду с Богом Своим явлением во плоти и сокрушившего этим явлением силу душепагубного властителя: «Лютую вражду уже к нам Владыка отсекая паки плотским пришествием, да держащего разрушит душетлеющего...». И ниже он свидетельствует, что Христос являл Свою обильную благодать там, где умножался грех: «...Подая тамо неизреченную благодать, идеже множайший процвете грех». И также сильно Преподобный говорит в седьмой песни о том, что Христос ниспроверг «зле неудержанно возвышаемый, нечестно бесящийся от развращения мира... грех». [9]

Но в том же каноне преподобный Иоанн Дамаскин употребляет еще более сильные обороты, чтобы изобразить непостижимую глубину милосердия Божия к людям. Так, в третьей песни он воспевает, что Слово Божие «милосердием совершает о нас спасение», а в четвертой говорит, что Христос «благоволи... запечатанную утробу проити истощанием странным», что «младый Младенец...» есть «рода человека обновление», которое провидел еще пророк Аввакум, и что, наконец, для того, чтобы уничтожить силу человекоубийцы, Спаситель приходит, «заблудшее на пажить обращая цветотворную из пустынных холмов...» (п. 8-я). [9]

И что же человеческое естество, каким представляется человек в этом каноне преподобного Иоанна? Мы — «темнопадшие во мраце прегрешений сыны» (п. 6-я), а Христос — «Помощник» человек (п. 7-я).

Указанное нами воспевание благодати Божией, многообразно покоряющей в естестве нашем царствующий грех и силу душепагубного властителя, проходит через все песни канонов преподобного Иоанна, причем то одно, то другое, то третье догматическое положение наиболее реально выдвигается на первый план и в глубоких молитвенных раздумьях преподносится нам Преподобным.

Так, в каноне на Богоявление преподобный песнописец особенно

углубляет вопрос о действии сил тьмы в мире, о подверженности человека греху. В частности, в первой песни свидетельствуется о том, что Христос пришел к водам Иорданским, чтобы освободить родоначальника нашего от мрачного сонма, «лика мрачна... исхитити, скверны же всякия очистити тварь». В следующей же песни утверждается, что враг наш, «зверя злодейственного вообразя в естество», приразился к Владыке для сокрушения собственной враждебной головы. Эта мысль развивается и далее. Преподобный песнописец называет врага змием и в четвертой песни вопиет из глубины сердца, что Бог Слово «уловляет змиев, гнездам натекая многими сетями», то есть, приступая к гнездищам змей со многими сетями, Господь совершает их ловитву. Но и это не успокаивает дух Преподобного. Ему потребно еще и еще подчеркнуть эту мысль и как бы предупредить христиан, как велика опасность. В шестой песни он опять говорит о «спасении от змия человекоубийцы», а в ирмосе седьмой песни с радостью свидетельствует, что Спаситель наш, вошедший в воды Иордана, «опали струею змиевы главы...» В этом праздничном каноне преподобный Иоанн находит для определения сил зла и другие термины. Он говорит о тьме, о злобе. «...Темже вода ныне, якоже пламень, одеваяй вредную злобу, Христе...», — вещает Преподобный в седьмой песни. «...Един стенет тмы предстатель...», — утверждает он в восьмой, а в ирмосе пятой песни излагает свое мировоззрение на весь процесс спасения людей: «Врага темного и оскверненного яда очищением Духа измовени, к новой пристахом неблазненной стези, водящей в неприступную радость, едином приступну, имже Бог примирися». [9]

В том же каноне Преподобный всесторонне прославляет подвиг Христов. Он находит особые выражения для Божественной природы Спасителя мира. «Утру явльшуся человеком светоносну...», — начинает он свой канон и именует Христа Царем солнца. Он дает Христу наречения «Всесветлого Слова», «Слова нареченного». А наше естество преподобный отец видит убеленным через подвиг Христов: «Да убелится всякое земное естество, от падения ныне на небо возводимо...». Мы становимся сынами света и освобождаемся от власти тьмы. «Свободна убо тварь познавается, — восклицает Преподобный в восьмой песни, — и сынове света, прежде омрачнии...» [9]

Тот же догмат искупления является центральным для святого Иоанна Дамаскина и в остальных его праздничных канонах, с той только разницей, что один из освещаемых моментов искупительного акта может быть весьма редуцирован за счет преобладания других. Так, в каноне на Пятидесятницу только однажды упоминается о борьбе с врагом спасения, в которой помогает нам Дух Святой, «вещества ненавистнаго палительный скверн...», в основном же здесь — славословие искупительного подвига Христова и победы Духа Божия. В этом каноне, где восхваляется Святая Троица, Ее действие в мире, особо примечательны слова преподобного Иоанна, относящиеся к преобразению человека силою Божественной благодати. Здесь и уверение, что не будет разлуки с вознесшимся Христом апостолам и всем верующим людям; здесь и утешительные слова о ниспослании Святого Духа апостолам («равномощнаго Твоего Духа апостолом истинно послал еси») и даровании людям в изобилии Его благодати («насытителный же Дух подаваещи»). Благодаря этому уврачевана природа «недугующаго человеческого естества» и люди стали просвещенными и светозарными, «све-

тятся, блистающе, изменяемы странным изменением благолепнейшим...» и «премудро» славят «трисветлое Существо».

Естество человеческое помнит преподобный песнописец и в каноне на Вознесение Господне, где многократно исповедует, что вознесшийся Христос вознес на небеса «род наш» (п. 3-я), «естество человеческое... тлением падшее возставил...» (там же) и «умерщвленное наше грехом естество» привел к Отцу Небесному. [14]

Анализируя и другие каноны преподобного Дамаскина на великие праздники, необходимо отметить, что везде он является глубоким психологом, постигающим сущность человеческой природы, везде зовет человека к соединению с Богом, везде показывает, какого высокого духовного состояния могут достигнуть люди, усвоившие подвиг Христов и изменившиеся под действием благодати Святого Духа.

Последнее, о чем необходимо упомянуть при рассмотрении канонов преподобного Иоанна на великие праздники,— это то, что есть в них общего с его пасхальным канонem. Общее это мы усматриваем в его стремлении напомнить человеку о его вечном бытии, блаженной вечности, «пакибытии». В каноне на Рождество Христово, в окончании его, он говорит: «...Христокраснии людие... ныне утешаются пакибытием...». В заключительной части канона на Богоявление мы слышим, что, возводя человеческое существо к совершенству, Царь Безначальный дает ему нескончаемую жизнь («...ныне в безпрестаннем воздати житии»). В каноне на Пятидесятницу, в четвертой песни, Преподобный говорит о «бане пакибытия»: «Баню Божественную пакибытия... дождоточиши ми струю от нетленнопрободеннаго Твоего ребра, о Божий Слове, запечатлея теплотою Духа». Если в пасхальном каноне преподобный Иоанн молился о том, чтобы мы могли «истее» причащаться Христу в вечернем дне Его Царствия, то здесь те же чувства вечной жизни, каждый раз имеющие различные оттенки. В этом единстве чувств и есть существо преподобного песнопевца.

Наряду с канонами великих двенадцатых праздников преподобный Иоанн часто писал и стихиры на эти праздники. Так, имеются его стихиры на Рождество Христово, на Крещение Господне, на Успение Пресвятой Богородицы, а также на Сретение Господне. Все стихиры преподобного Иоанна отмечены печатью того же высокого дарования, которое характерно и для его канонов.

Стихиры преподобного Иоанна часто являются основными выразителями главной идеи праздника, подобно литийной стихире на Рождество Христово «Небо и земля...» или стихире на Сретение Господне «Да отверзется дверь небесная днесь...» [9]

Преподобным Иоанном писаны каноны и стихиры на некоторые и другие праздники, а также и некоторым святым, как, например, святителю Василию Великому, сорока мученикам Севастийским и другим. По мнению архиепископа Черниговского Филарета, в богослужебных книгах не всегда упоминается имя преподобного Иоанна под той или иной стихирой. Он перечисляет многих святых, в службе которым стихиры помечены именем Иоанна-монаха, или именем Иоанна Дамаскина. [13]

Из служб Великого поста, согласно исследованию И. Карабинова о Постной Триоди, к трудам преподобного Иоанна Дамаскина относятся: канон святому великомученику Феодору Тирону в пяток первой седмицы и второй канон Лазаревой субботы, а также стихиры самогласны

Сырной субботы, Лазаревой субботы, Недели ваий и всех дней Страстной седмицы. О стихирах дней Страстной седмицы И. Карабинов делает следующее замечание: так как стихиры этих же дней писал и преподобный Косма Манумский, удастся установить, что друзья работали «совместно по одному общему плану». Так, преподобный Косма писал стихиры преимущественно на Великие Понедельник и Среду, а преподобный Иоанн Дамаскин — преимущественно на Великие Вторник и Четверг. Преподобному же Иоанну принадлежат стихиры Великого Пятка: «Уже омакается трость изречения...» [16] и Великой Субботы: «Днесь ад стена вопиет...» [16] и другие. Согласно И. Карабинову, в старой славянской Триоди 24 алфавитные стихиры на вечерни в среду пятой седмицы Великого поста приписываются также святому Иоанну Дамаскину. [17]

* * *

Особого разбора в смысле их характеристики требуют воскресные антифоны Октоиха. Мы убеждены, что должный анализ их мог бы составить специальное исследование, где могли бы быть освещены различные вопросы, которые поднимает в тропарях антифонов их создатель. В нашем разборе мы можем это сделать лишь постольку, поскольку касаемся по возможности всего гимнографического достояния преподобного Иоанна Дамаскина.

В последнее время появились указания западных богословов [4], что воскресные антифоны следует связывать с именем преподобного Феодора Студита. Вместе с тем ни у Преосвященного Черниговского Филарета [2], ни у проф. А. П. Голубцова [3], ни у других православных исследователей вопрос о принадлежности антифонов творчеству святого Иоанна Дамаскина не вызывает сомнения; подобный вопрос даже не ставится. Больше того, в своем разборе трудов святого Иоанна Дамаскина архиепископ Филарет говорит о том, что антифоны по их «поэтической силе» особенно выделяются среди других произведений Преподобного, что они «превосходны» [2]. А. П. Голубцов, перечисляя различные гимнографические произведения святого Иоанна Дамаскина, называет среди них и антифоны. Выражая некоторые критические замечания относительно отдельных песнопений преподобного Иоанна Дамаскина, Голубцов вместе с тем свидетельствует: «Как составитель Октоиха, Дамаскин является замечательной личностью в истории церковного пения, и труды по этой части дают ему высокое и почетное место в ряду литургических деятелей Восточной Церкви». [3]

По нашему мнению, антифоны преподобного Иоанна Дамаскина весьма близки по стилю и внутреннему характеру к его воскресным и праздничным канонам.

Воскресные антифоны построены на основе псалмов Давида, называемых песнями восхождения. Они охватывают тексты псалмов со 119 по 132 (за исключением псалма 131). Псалмы эти дают, таким образом, темы для антифонов всех восьми гласов. Каждый глас включает группу из трех антифонов, в восьмом гласе — четыре антифона. В свою очередь каждый из антифонов содержит три тропаря; два первых из них развивают мысль, взятую из псалмов — песней восхождения; третий, заключительный тропарь содержит славословие Святого Духа, как Обновителя твари, споклоняемого Отцу и Сыну. Таким образом, в группе антифонов каждого гласа содержится девять тропарей (в вось-

мом гласе — их двенадцать). Тема тропарей антифонов первого гласа соответствует теме пятого; во втором гласе — соответствие теме шестого гласа, в третьем — седьмого и в четвертом — восьмого.

Антифоны первого и пятого гласов берут свою основу в псалмах 119—121; антифоны второго и шестого гласов написаны на основании 122—124 псалмов; антифоны третьего и седьмого гласов построены на основе 125—127 псалмов; в антифонах четвертого гласа используются псалмы 128—130; в антифонах восьмого гласа к последним присоединяется еще псалом 132.

Псалмы святого пророка Давида, положенные в основу воскресных антифонов, очень выразительны сами по себе и богаты глубокими чувствами веры, надежды на Бога, славословия Его. Преподобный Иоанн Дамаскин дал этим псалмам новозаветное толкование. Преподобный Филарет, архиепископ Черниговский, замечает, что антифоны писаны стихами. [13]

Трудно отдать предпочтение антифонам какого-либо гласа, ибо в каждом из них имеются образцы высокой поэзии и глубокого внутреннего смысла, все они, повторяя утверждение Преподобного Филарета, «превосходны». Вместе с тем, сопоставляя их с псалмами, на которых они построены, можно сразу установить, что антифоны Октоиха — молитва инока, новозаветного подвижника, шествующего нелегким путем отшельнического жития. Это отчетливо видно уже из 1-го антифона первого гласа, где инок исповедует: «Пустынным непрестанное Божественное желание бывает, мира сущим суетнаго кроме». [15] В антифонах параллельного, пятого гласа эта мысль раскрывается дальше; внутренним подвигом и молитвенными трудами иноки обретают духовную радость и блаженство: «Пустынным живот блажен есть, Божественным рачением воскриляющимся». [15]

Впрочем, это утешение дается не сразу, и преподобный творец антифонов раскрывает болезни и скорби иноческого пути. «Внегда скорбети ми, — вопиет он, — услыши моя болезни, Господи, Тебе зову» [15] (1-й антифон первого гласа). А в антифоне параллельного, пятого гласа преподобный Иоанн в состоянии глубокой скорби просит Господа: «...Избави душу мою от языка лстиваго».

Согласно развитию мыслей псалмов — песней восхождения, творец антифонов говорит дальше о мысленных горах — высоте и святости Божественных законов, на которые он должен взойти в своем одиноком житии, но для этого необходима добродетель, победа над грехом. Впрочем, как следует из антифона пятого гласа, это могут быть горы и другого значения — горы, горний мир, откуда иноку приходит Божия помощь: «На горы, душе, воздвигнемся, гряди тамо, отнюду же помощь идет». [15]

А дальше, во втором тропаре второго антифона, дается уже воистину новозаветная трактовка Давидова псалма. Преподобный Иоанн утверждает (из опыта!), что десница Господня касается его; он просит быть огражденным ею от всякого зла: «Десная Твоя рука и мене, Христе, касающаяся, от лести всякия да сохранит». [15] Смирение и дерзновение одновременно! Это — то, чего не знали, не могли испытывать праведники Ветхого Завета.

«На небо очи пущаю моего сердца, — слышим мы в 1-м антифоне второго гласа, — к Тебе, Спасе, спаси мя Твоим осиянием». [15] Каково дерзновение раба Христова, человека, живущего в Новом Завете! Он

поднимает очи сердца на небо и с уверенностью просит спасти осиянием его Спасителя. И это так психологически верно, потому что раб Христов, кроме глубокого смирения своего, знает и радость с духовным утешением. В антифоне шестого гласа эта же мысль выражается так: «На небо очи мои возвожу к Тебе, Слове, ущедри мя, да живу Тебе». [15]

В тех же антифонах второго и шестого гласов после дерзновенной, казалось бы, просьбы христианина следует его исповедание своего недостойнства, греховности природы своей, неустойчивой в добре. «Помилуй нас,—слышим мы в антифоне второго гласа,—согрешающих Тебе много на всякий час, о Христе мой, и даждь образ прежде конца покаяться Тебе». А в антифоне шестого гласа это звучит так: «Помилуй нас уничиженных, устрояя благопотребныя Твоя сосуды, Слове». [15]

Творец антифонов очень часто, обращаясь ко Христу, называет Его этим дивным именем — Слово. Так, Словом он именуется Христа и в третьем тропаре 1-го антифона второго гласа, воспевающим Духа Святого: «Святому Духу еже царствовать подобает, освящати, подвизати тварь: Бог бо есть единосущен Отцу и Слову». [15]

Во втором антифоне шестого гласа, прося защиты от врагов, преподобный Иоанн опять взывает к Слову: «Зубы их да не ята будет душа моя, яко птенец, Слове...».

Тот, кто читал «Точное изложение православной веры» [11], знает, как часто и с какой любовью преподобный Дамаскин называет Господа Иисуса Христа в этом произведении Словом. Совершенно очевидно, что и в своем поэтическом творении — в антифонах — Преподобный пользуется этим излюбленным и дорогим для него именованием Спасителя.

Третьи тропари антифонов, так называемые «славные», преподобный Иоанн чаще всего посвящает воспеванию Духа Святого. Так, в третьем антифоне второго гласа исповедуется: «Святым Духом точится всякая премудрость, отсюда благодать апостолом, и страдальчества величаются мученицы, и пророцы зрят» [15]. Так велика и разнообразна благодать Святого Духа и так прекрасно и одновременно тонко изобразил это святой Дамаскин!

В первом антифоне шестого гласа также имеется замечательный тропарь, прославляющий действие Святого Духа в мире: «Святому Духу всякая всеспасительная вина, аще коему Сей по достоянию дхнет, скоро вземлет от земных, восперяет, возвращает, устрояет горé». [15]

«Святого Духа держава на всех,—воспевает преподобный песнописец в заключительном тропаре антифонов шестого гласа,—Ему же вышняя воинства поклоняются со всяким дыханием дольным». Мир ангелов и мир видимый («всякое дыхание дольное») объаты державой Духа Святого, и все поклоняются Ему, Духу жизни, Благому Утешителю.

В антифонах третьего и седьмого гласов человека нашей эпохи может привлечь трактовка преподобным Дамаскиным вопроса скорби и радости. Исходя из соответствующих стихов псалма Давида, преподобный песнописец произносит: «В юг сеюции слезами Божественными, жнут класы радостию присноживотия» (1-й антифон третьего гласа). Всякая скорбь, если она с «Божественными слезами», приносит колос — и не один — вечной радости. В последних словах легко услы-

шать отголоски излюбленной темы Дамаскина, которую он вдохновенно изложил в своем пасхальном каноне, которой он касался и в наиболее прославленных своих песнопениях на великие праздники.

В первом антифоне параллельного, седьмого гласа выраженная выше мысль о скорби и радости звучит следующим образом: «В юг сей скорби постныя со слезами, сей радостныя пожнет рукояти присноживопитания». Здесь при отличном от третьего гласа напеве по-другому звучит и основная мысль песнопения; здесь сеющий «скорби постныя со слезами» уже не «класы» (колосья) радости пожинает, а целые снопы — «рукояти присноживопитания». Одна сладость выраженного здесь образа может глубоко поддержать скорбящую, унывающую душу, а сущность выраженного еще больше ее утешает; в христианстве так близки между собою горе и радость, печаль и утешение, «скорби постныя» и «рукояти присноживопитания!» [15]

В антифонах разбираемых третьего и седьмого гласов имеется множество и других глубоких мыслей и образов; всех их в достаточной мере невозможно коснуться. Здесь и утверждение, что дом добродетелей, дом душевный построен крепко тогда только, когда его созиждет Господь. Здесь говорится также о сыноположении святых (опять верный новозаветный образ!), о том, что «плода чревна Духом Сынотвореное Тебе Христу, якоже и Отцу святии всегда суть» (глас третий) или что «святии духодвижно прозябают отеческая предания сыноположения» (глас седьмой).

Примечательно то, что в разбираемых нами антифонах третьего и седьмого гласов преподобного песнописца опять захватывают образы видимой природы, и в частности, растительного мира (впрочем, это идет в соответствии с псалмами Давида; Преподобный только избирает для основы антифонов те стихи, которые более соответствуют выражению его мысли). Например, в последнем антифоне третьего гласа появляется образ ветвей. «Окрест трапезы Твоя,— восклицает преподобный Дамаскин,— возвеселися зря Твоя, Пастыреначальниче, исчадия, носяща ветви благоделания». Это — гимн радости, обращенный ко Христу — Пастыреначальнику с выражением духовного восторга, что вокруг непостижимой, необъятной трапезы учения Христова вырастают чада, дети, носящие подлинные плоды добра — «ветви благоделания». В антифоне седьмого гласа эта же мысль выражена, может быть, еще тоньше, искреннее: «Окрест трапезы Твоя, яко стебля, видя исчадия Твоя, радуйся и веселися, приводя сия Христови, Пастыреначальнику». Радость и веселие в том, что чада («исчадия») приведены Христу, что они не только носят «ветви благоделания», но и сами, «яко стебля» (как ветви), окружают Его непостижимую Трапезу.

Как и в антифонах предыдущих гласов, в разбираемых антифонах третьего и седьмого гласов имеются «славные» тропари, в которых воспевается держава Духа Святого. В частности, в первом антифоне седьмого гласа Святому Духу усвоятся все духовные дарования: «Святым Духом источник Божественных сокровищ, от Него же премудрость, разум, страх. Тому хвала и слава, честь и держава». [15]

Антифоны четвертого гласа, особенно первый — «От юности моя...», являются наиболее известными, так как их положено употреблять в богослужениях на все полниелейные праздники. Антифоны параллельного, восьмого гласа излагают мысли, близкие к тому, что имеется во всех трех антифонах четвертого. Как уже указывалось, в восьмом гласе

имеется дополнительный, четвертый антифон, написанный на тему 132-го псалма «Се что добро, или что красно...».

В первом антифоне четвертого гласа опять звучит мольба о заступлении от страстей, которая так часто и в различной форме излагалась во всех антифонах, изложенных нами выше. Мольба эта так понятна и близка всем; отсюда, возможно, и популярность этих строк: «От юности моя мнози борют мя страсти, но Сам мя заступи и спаси, Спасе мой». Далее идет предупреждение тем, кто ненавидит горний Сион: «...Яко трава бо огнем будете изсохше». А потом следует утешение в исповедании Духа Святого и надежда, что Его животворящей силой мы можем возвыситься и просветиться: «Святым Духом всяка душа живится и чистотою возвышается, светлеется Тройческим единством священнотайне». [15] Кроме этого, первого антифона, во втором и третьем также можно найти много мыслей о духовных ценностях, необходимых человеку на его жизненном пути. Здесь, например, говорится о надежде на Бога, о возвышении сердца к Богу и опять имеется воспевание Духа Святого: «Святым Духом точатся благодатныя струи, напаяюще всяку тварь ко оживлению». [15]

Здесь, в третьем антифоне, преподобный Иоанн, взяв за основание строки 130-го псалма, видоизменяет их применительно к состоянию людей Нового Завета. «К матери своей,— говорит он,— якоже имать кто любовь, ко Господу тепльше любленнем должны есмы». Наше самое живое, наиболее дорогое чувство любви к матери Преподобный берет для того, чтобы растопить, растрогать наше сердце и чтобы показать нам, что любовь к Богу должна быть еще более живой и теплой.

Вероятно, на эту тему можно было бы сказать очень многое, если сопоставить строки антифона со стихами исходного псалма и показать, как любовь к Богу в христианстве, помимо своей внутренней теплоты, может быть и велика, и всеобъемлюща.

В антифонах параллельного, восьмого гласа слово «мать» преподобный песнописец относит к земле и говорит: «К матери своей земли отходяй всяк, паки разрешается, прияти мука или почести почивших». Здесь — мысль о последнем пределе человеческой жизни, и весь тропарь имеет совершенно иное звучание, чем в соответствующем тропаре четвертого гласа. Здесь ход мыслей преподобного песнотворца идет по совершенно иному пути. Можно заметить, что эти мысли продолжают идею предыдущего тропаря, где тоже говорится о конце человеческой жизни: «Воззвах Тебе, Господи, вонми, приклони ми ухо Твое, вопиюще и очисти, прежде даже не возьмеш ми отсюду». [15]

Очень сильно написан дополнительный, четвертый антифон, не имеющий себе параллелей в другом гласе. Он заключает в себе мысль о духовной красоте общежития людей, собранных во имя Бога. «Се что добро, или что красно,— воспеваает Преподобный,— но еже жити братни вкупе, всем бо Господь обща живот вечный». Это — исповедь инока Иоанна, прожившего основную часть жизни в обществе братьев, в монастырской келлии, откуда вышло столько живительных творений. Преподобный ублажает эту жизнь, несмотря на то, что много претерпел в монастыре и даже чересчур строго был наказан своим старцем — лишен возможности изливать свою душу пред Господом в духовных песнопениях.

Тему для последнего, заключительного тропаря четвертого антифона восьмого гласа преподобный Иоанн берет уже из Нового Завета, из

Евангелия. Здесь в основу положена заповедь Христова о добровольной нищете евангельской. «О ризе своей,—говорится в этом тропаре,—Иже крину сельная украшая, повелевает, яко не подобает пещися» [15]. Подобная свобода ото всего необходима была ученику Христову—преподобному иноку Иоанну, чтобы тем свободней, тем беспрепятственней мог он служить основному делу своей жизни.

* * *

Все сказанное (далеко не полно) о произведениях преподобного Иоанна Дамаскина, отражающих опыт его церковной песнотворческой деятельности, требует известного заключения, попытки воссоздания его личности.

Что может добавить к анализу личности, к прославлению души «златоструйного» Иоанна Дамаскина слово современного человека, объятаго всеми слабостями и недугами?

Святая Церковь, еще в древности причислив Иоанна Дамаскина к лику святых, с любовью сохранила для нас, усвоила и возвестила все то, что Преподобный с великим старанием, трудом и вдохновением создал как церковный песнописец.

Люди церковные уже более тысячелетия пользуются трудами преподобного Иоанна и находят в его песнопениях во все времена разносторонние, поддерживающие их душу святые чувства, соответствующие тому или иному периоду церковного года.

Это, прежде всего,—Пасха Господня, когда вместе с неизъяснимой радостью, изображенной золотою струею слова преподобного Иоанна, мы наполняемся чувством вечности, близости к нам Христа воскресшего и нас возвеселившего.

Это — и воскресная служба каждой седмицы, каждый раз знаменующая Пасху, Светлое Христово Воскресение, исторгающая нас из тягот и обыденности нашей жизни, утешающая нас всегда новым (восемь гласов!) песнопением, напевом, сладостью всегда новых словесных образов, стихир и канонов, прославляющих Воскресшего Христа.

Это — дни великих праздников церковных, когда в канонах — вслед за высокими, наполненными дивной торжественностью речениями преподобного Космы Маиумского — мы ждем близкого нам, человекам, слова святого Иоанна Дамаскина, потому что только он один, зная нашу природу, сказал: «Рекоша чистая и честная Уста: разлучения вам не будет, о друзи...».

Это — и высокая поэзия канона Недели Антипасхи, раскрывающая силу Воскресения Христова — весны наших душ.

Это, наконец, — и надгробные стихиры, или последняя песнь над нашими близкими, которая завершает весь чин погребения и всегда поставляет нас перед лицом того факта, что всякая «житейская сладость» причастна печали.

Естественно, наша попытка воссоздать образ преподобного Иоанна Дамаскина обречена на известную неполноту и условность, поскольку в нашем очерке мы не касались той стороны его творчества, которая принадлежит богословию, апологетике и диалектике.

Вместе с тем, если учесть свидетельство самого Преподобного, что сложение церковных песней, весь объем песнотворческого делания среди других сторон его деятельности является для него дороже и выше, то мы можем позволить себе эту попытку, полагая, что она может быть

не далека от истины, как, впрочем, и всякий воспроизводимый по простовни значительного периода времени портрет личности великого художника.

Итак, если говорить о преподобном Иоанне, как личности, перед нами встает, прежде всего, великий художник слова, духовный поэт, который питал свое вдохновение и выражал свои сокровенные мысли, исходя из тех догматических истин, разбору которых она посвятил многие богословские труды.

В создании духовного портрета преподобного Иоанна Дамаскина необходимо учесть особенности его происхождения и образования в условиях его времени. Сын крупного вельможи, министра при дворе калифа, Иоанн с детства пользовался привилегиями своего высокого положения и потому рано занял высокий пост при дворе. Благодаря заботам отца, а по существу, действием Промысла Божия, Иоанн получил всестороннее образование от просвещенного инока Космы, обладавшего различными познаниями как в области точных наук и богословия, так и в области музыки. Воспитанный в семье в духе христианских истин, проводя свое детство вместе с приемным сыном отца, своим побратимом Космой, Иоанн воспринял от своего учителя еще более глубокое познание христианства, причем познание это было воспринято от человека, опытно познавшего в жизни и радости, и скорби христианина.

Отмечается, что Иоанн обладал большими способностями, «счастливыми дарованиями», как свидетельствует Преосвященный Филарет, архиепископ Черниговский [2], и потому мог успешно воспринять уроки своего учителя по всем преподаваемым ему дисциплинам.

Благодаря своим способностям Иоанн в короткий срок познал разнообразные стороны тогдашней интеллектуальной жизни, и мы видим в нем впоследствии сформировавшегося и богослова, и поэта-гимнографа, и музыканта, положившего на различные напевы — гласы церковные песнопения и на все века прославившегося как создатель Октоиха.

Вследствие своего высокого происхождения Иоанн довольно рано делается градоначальником дамаским и становится первым министром калифа. Но он — христианин, с глубоко внедренными в его сердце истинами христианства, и уже при дворе, не имея сил сдерживать своей ревности, он пишет обличительные послания.

Трагически кончается для Иоанна его жизнь при дворе мусульманского владыки, и вот он с отсеченной и чудесно исцеленной десницей покидает не только дворец калифа, но и мир. Отныне — он инок Иоанн. В это же время, по чудесном исцелении, проявляются способности Иоанна как поэта и песнотворца: он пишет свою знаменитую песнь «О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь...» [16]

Большому внутреннему переживанию инока Иоанна в связи с запрещением писать духовные песни последует позднее, после разрешившегося конфликта, исключительное раскрытие его творческих сил, и вот он — творец знаменитого «Точного изложения православной веры» и других богословско-философских произведений, своих превосходных праздничных канонов и стихир.

В монастыре преподобного Иоанна постигает новое испытание: его брата и друга, который вместе с ним ушел в обитель святого Саввы, назначают епископом города Манумы, и духовные друзья должны расстаться. Этому единственному и любимому другу своему преподобный

Иоанн посвящает «Источник ведения», в котором сосредоточены труды по диалектике, а также сочинение против ересей и изложение православной веры. Эту книгу он посылает святому Косме с глубоко прочувствованной надписью, обращается к нему как епископу, вменяя себя его младшим братом.

При последующем императоре Иоанн Дамаскин терпит еще большие, чем прежде, обвинения и нападки, даже ввергается в темницу за защиту иконопочитания. Но по-прежнему звучит лира Преподобного, по-прежнему он проявляет себя и как апологет, и как песнописец.

На свободе, в тишине иноческой келлии передает преподобный Иоанн дух свой Богу, дожив до глубокой старости.

Таковы основные этапы жизни преподобного Иоанна Дамаскина, могущие помочь нам в раскрытии его личности как преподобного песнописца.

В целом жизнь святого Иоанна Дамаскина по своему внешнему течению была преисполнена различных — великих и малых — скорбей. В целом уже от юности на нем лежала печать избрания, печать «жребия Христова», как он и сам говорит в одном из тропарей своих антифонов: «не оставяет бо Христос жезла на жребин Своем».

Изо всего страдальческого целокупного опыта своей жизни преподобный Иоанн выходит глубоко вдумывающимся в жизнь богословом, непоколебимым исповедником спасительных догматов христианских и их провозвестником и — что было наиболее близко его тонкой поэтической душе — становится вдохновенным песнотворцем церковным, в сладости пения священных песней находящим себе равновесие, радость и способность жить.

Какова была окраска всего его внутреннего облика? Из его богословских произведений, особенно же из его высказываний в песнопениях церковных, складывается впечатление, что это был вдумчивый мыслитель-поэт, находящий свою подлинную радость в творчестве помимо, естественно, своих иноческих подвигов келейных.

Отсюда, из келлии, несмотря на большие, ощутимо пережитые им горести, несмотря на глубокие разочарования, которые он вынес из общения с людьми, преимущественно высокого положения (император, калиф и др.), он идет к человеку в своих песнопениях с большой духовной любовью, приносит ему, прививает подлинную духовную радость, указывает ему непреткновенный, верный шаг по пути жизни под покровом, под знаком Креста и Воскресения Христова. Это был поистине деятельный, постоянно вооруженный верой Христовой поэт-иннок, весь светящийся любовью к человеку.

Не случайно, уступая этой сострадательной любви в то время, когда над ним тяготел запрет писать, он исторг слова, глубоко утешающие скорбящего брата: «Кая житейская сладость пребывает печали непричастна? Кая ли слава стоит на земли непреложна?...» [7]

Следы той же попечительной духовной любви мы обнаруживаем и в канонах великих праздников, где преподобный песнописец, не скрывая от нас, не умаляя злобы человекоубийцы-дьявола, напротив же, ярко изображая ее, указывает выход, зовет ко спасению грешных сынов человеческих, «темнопадших во мраце прегрешений». Сколько нежности духовной, снисходительности, терпения, мудрости проявляет он с тем, чтобы позвать души этих сыновей ко спасению! Как отчетливо, даже блистательно изображает он мир Христов, спасительность подвига

Христову, как призывает к спасительной стезе, «по ней же востекающею обрящем славу!» [9]

Проф. Е. И. Ловягин, вникая в суть переводимых им канонов на великие праздники, свидетельствует о святом Иоанне Дамаскине, что он, в частности, в каноне на Рождество Христово, «изображает преимущественно те спасительные действия, которые произошли для рода человеческого от явления Сына Божия во плоти», а в каноне на Крещение Господне святой Иоанн Дамаскин «преимущественно изображает... какие именно духовные плоды доставило нам Крещение Господне». Ту же мысль о возрождении человечества благодатью Троицного Божества проф. Е. И. Ловягин усматривает в канонах преподобного Иоанна Дамаскина на Святую Пятидесятницу [5] и остальные великие праздники.

Спасение, изведение человека из мрака и глубин греха в свет, веселие и любовь Христову и всей Святой Троицы есть наиважнейшая, по нашему мнению, самая первая особенность, которая выделяет труды (особенно каноны) Иоанна Дамаскина среди трудов других песнописцев. Божественное Домостроительство спасения человека, жертва Христова и пришествие Святого Духа — это то, что не устает воспевать Преподобный, упоенный радостью, великим счастьем, что он позвал грешников на новую, спасительную и неблазненную стезю. Таково величие любви духовной, не знающей себе ослабы!

«Помазуеши, совершая человеческое существо, Царю Безначальне, Духа общением...» [9], — исповедует Преподобный. Это прежде всего дорого ему; ради этого он готов терпеть непрестающие скорби и болезни, лишь бы человек знал, какое духовное богатство уготовано ему общением Христа и пришествием, «общением Духа».

Призыв преподобного Иоанна Дамаскина к свободному раскрытию в себе всех сил души навстречу Благодати, призыв, преисполненный любви и сострадания, так нужен нам; он не утерял в веках своего значения, а может быть, даже приобрел еще большую силу в наши дни.

Последнее, на чем необходимо остановиться в постижении личности преподобного Иоанна Дамаскина, — это его исполненное любви отношение ко всему созданному миру Божию, и особенно к видимой природе.

Во всем песнотворческом достоянии Церкви никому из песнописцев (кроме преподобного Космы Маиумского, но у того совсем по-другому) не удалось сказать таких проникновенных и опять-таки психологически близких человеку слов, какие сказал о природе Божией преподобный Иоанн Дамаскин.

Здесь неуместны повторения, но если иметь в виду образы природы Божией, данные Преподобным в отдельных строках антифонов (написанных стихами), его обращения в праздничных канонах ко всем стихиям мира, наконец, его глубокие размышления о природе души человеческой в его воспоминании «царицы времен» — весны (в каноне на Антипасху), — этого будет достаточно, чтобы запечатлеть у себя образ преподобного Иоанна Дамаскина как глубочайшего психолога и тонкого поэта-песнописца.

* * *

В заключительных строках данного очерка нам представляется необходимым сказать следующее. Святая Церковь сохранила нам неце-

нимое сокровище своего богослужения на протяжении многих веков. Сила и красота этого богослужения, его воздействие на человеческую душу не потеряли своей силы до нашего времени. Непроизвольно, даже как бы помимо своей воли — в силу безусловности служения Богу и Его поиска — человеческие души влекутся к Церкви, как живому богочеловеческому организму, где находят утоление своей извечной жажды, паче же всего очищение от грехов и спасение непостижимой милостью Божественной благодати.

И среди живого наследия Церкви, живых скрижалей ее слова — в совершенни чина Божественной службы, пленяющей человеческую душу в горяня, — особенно ценны, особенно охраняются труды святых отцов, посвятивших себя составлению песней церковных, образующих весь чин богослужения.

В числе этих бессмертных имен, давших людям неугасающее пламя Божественной жизни, имя преподобного Иоанна Дамаскина, богослова и песнотворца VIII века, занимает одно из видных (если не первое) мест.

Нам очень отраднo в заключение сослаться на мнение Первосвященителя и Предстоятеля Церкви Русской, ныне покойного Патриарха Алексия, который в своей речи, произнесенной 18 апреля 1948 г., по поводу церковного пения, сказал: «...Такие песнописцы, как святой Иоанн Дамаскин... и другие древние творцы церковных песнопений, навсегда останутся идеалами церковного творчества».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Egenger N. Celebration du Dimanche. См.: Dimanche, office selon des huit tons. Edition de Chevetogne. Belgique, 1972.*
- [2] *Филарет, архиепископ Черниговский и Нежинский. Историческое учение об отцах Церкви. Ч. 3. СПб., 1882.*
- [3] *Голубцов А. П., профессор Московской Духовной Академии. Из чтений по церковной археологии и литургии. Ч. 2. Литургия. Сергиев Посад, 1918.*
- [4] *Hannick Chr. Le texte de l'Oktoechus. Belgique, 1972.*
- [5] *Ловягин Е. И., профессор. Богослужебные каноны на греческом, славянском и русском языках. СПб., 1875.*
- [6] *Свягитель Димитрий, митрополит Ростовский. Четви-Минен. М., 1880.*
- [7] *Требник. Часть 1. Последование погребения мирских человек. М., Син. тип., 1915.*
- [8] *Толстой А. К. Собрание сочинений. Т. 1. Поэма «Иоанн Дамаскин». М., 1963.*
- [9] *Минея. Месяц декабрь. М., Син. тип., 1913.*
- [10] *Царевский А. А. Святой Иоанн Дамаскин, как православный богослов и церковный христианский песнопевец. Казань, 1901.*
- [11] *Святой Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. СПб., 1894.*
- [12] *Петрос П. Святой Иоанн Дамаскин как литургист-гимнолог. Загорск, 1964—1965. Машиннопись.*
- [13] *Филарет, архиепископ Черниговский и Нежинский. Исторический обзор песнопевцев и песнопения Греческой Церкви. Изд. 2-е. Чернигов, 1864.*
- [14] *Триодь Цветная. М., 1742.*
- [15] *Октоих, сиречь Осмогласник. М., Син. тип., 1893.*
- [16] *Триодь Постная. М., Син. тип., 1895.*
- [17] *Карабинов И. Постная Триодь. Исторический обзор ее плана, состава, редакций и славянских переводов. СПб., 1910.*